

*«И вечной памятью
двенадцатого года...»*

Коллектив авторов

**«И вечной памятью
двенадцатого года...»**

«БИБКОМ»

2013

УДК 94(4)"1812/1814"(06)
ББК 63.3(0)52я431

авторов К.

«И вечной памятью двенадцатого года...» / К. авторов —
«БИБКОМ», 2013

Публикуются статьи историков, филологов, культурологов, библиотечных и музейных работников, объединенными усилиями которых и была проведена конференция. Целый цикл статей посвящен личности французского императора Наполеона Бонапарта. Важной частью сборника стала рецепция событий Отечественной войны 1812 г. в государственной и автодокументированной литературе XIX в.

УДК 94(4)"1812/1814"(06)
ББК 63.3(0)52я431

© авторов К., 2013
© БИБКОМ, 2013

Содержание

От редактора	5
Раздел 1	8
Образ Наполеона Бонапарта на страницах «Вестника Европы»	8
Н. М. Карамзина в контексте исторической концепции писателя	
Наполеон в оценке М. И. Невзорова	12
Наполеоновская легенда и наполеонический комплекс в русской литературе: аксиологический аспект	19
Миф о Наполеоне-Антихристе в поэтической рецепции Г. Р. Державина	27
Образ Наполеона Бонапарта в британской и американской историографической традиции XIX в	34
«Наполеон (Аполион) – Антихрист» в уральской старообрядческой письменности XIX в	40
Раздел 2 «Гроза двенадцатого года»: исторические коллизии и русская литература XIX в	44
«И жизнь, и к родине любовь...»: год 1812-й в личной и творческой судьбе К. Н. Батюшкова	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

«И вечной памятью двенадцатого года...»

От редактора

14 –15 декабря 2012 г в Уральском федеральном университете имени первого Президента России Б. Н. Ельцина прошла Всероссийская научная конференции, посвященная 200-летию Отечественной войны 1812 г. В качестве организаторов конференции выступили Институт гуманитарных наук и искусств УрФУ, Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического института, Свердловская областная универсальная библиотека им. В. Г. Белинского и Объединенный музей писателей Урала.

Конференция стала результатом объединенных усилий гуманитариев (историков, филологов, культурологов, библиотечных и музейных работников) Екатеринбурга и Санкт-Петербурга, Казани и Перми, Сургута и Кемерово, Республики Беларусь.

Среди участников конференции были известный специалист по эпохе Наполеоновских войн доктор исторических наук, профессор Владимир Николаевич Земцов (Екатеринбург), специалисты по русской литературе первой трети XIX в. доктора филологических наук Светлана Ивановна Ермоленко (Екатеринбург), Олег Васильевич Зырянов (Екатеринбург), Дмитрий Владимирович Ларкович (Сургут), Татьяна Анатольевна Ложкова (Екатеринбург), Елена Евгеньевна Приказчикова (Екатеринбург). Людмила Алексеевна Ходанен (Кемерово).

С приветственным словом перед участниками конференции выступили директор департамента истории кандидат филологических наук, доцент Владимир Алексеевич Бабинцев и директор филологического департамента кандидат филологических наук, доцент Валерий Александрович Гудов.

Работа конференции проходила по трем секциям.

Секция 1 (филологическая) носила название «Гроза двенадцатого года: исторические коллизии и русская литература XIX столетия». Секция 2 (историческая) шла под эпитафией «Остервенение народа, зима, Барклай иль русский Бог?» и названием «Осмысление Отечественной войны в историографии: традиция и современность». Секция 3 («Недаром помнит вся Россия...»: война 1812 года и проблемы патриотического воспитания в современной социокультурной ситуации») объединила специалистов по культуре, музейному и библиотечному делу, системе образования.

Результатом конференции стал сборник научных материалов, состоящий из 29 статей, расположенных по четырем разделам.

Тематически статьи могут быть разделены на несколько групп.

Целый цикл статей посвящен личности французского императора, «первого полководца веков и мира» Наполеона Бонапарта. Предметом исследования в данных статьях, принадлежащих перу как историков, так и литераторов, стали самые различные аспекты, связанные с именем французского полководца. Если в исторических работах (Е. В. Путилова) это вопросы, связанные с историографией его образа, представленные в британской и американской традиции, то в работах филологического дискурса – это изображение образа консула Бонапарта на страницах «Вестника Европы» Н. М. Карамзина (Т. А. Алферьева), в оценке русского поэта и публициста первой трети XIX в. М. И. Невзорова (Т. А. Драгайкина), исследование аксиологического аспекта наполеоновской легенды и наполеоновского комплекса в русской литературе (О. В. Зырянов), наконец, анализ мифологической составляющей образа французского императора в русской поэтической и религиозной традиции, возрождающей представление об Антихристе (Д. В. Ларкович, Т. С. Романюк).

Важной частью филологического раздела сборника является рецепция событий Отечественной войны 1812 г. в художественной и автодокументальной литературе XIX столетия. В контексте данной темы была представлена статья С. И. Ермоленко, посвященная теме 1812 г. в личной и творческой судьбе русского поэта 1-й трети XIX в. К. Н. Батюшкова; статья А. Н. Кудреватых, в которой рассматриваются одические традиции в стихотворении Н. М. Карамзина «Освобождение Европы и слава Александра I»; статья Т. А. Ложковой, предметом исследования в которой стала проблема мира и войны в «Письмах русского офицера» Ф. Н. Глинки; статья Л. А. Ходанен с анализом поэтической мифологии войны 1812 г. в русской лирике 1810–1830-х гг.; статья Е. А. Четвертных, где объектом изучения стал 1812-й г. в творчестве русского поэта 1-й трети XIX в. П. А. Катенина, рассмотренный через призму жанрового анализа текста. Рецепция «грозы» 1812 г. в романе «Отцы и дети» И. С. Тургенева нашла свое отражение в статье И. А. Семухиной. Осмысление роли императора Александра I в войне 1812 г. в поэзии В. Кюхельбекера представлено в статье Е. Ю. Шер. Изучение принципов изображения человека в военной мемуаристике Наполеоновской эпохи было предложено в статье Е. Е. Приказчиковой.

Ряд статей исторической секции был посвящен осмыслению историографических вопросов, связанных с Отечественной войной 1812 г. Так, в статье В. Н. Земцова «Отечественная война 1812 г.: 200 лет поиска истины» делается попытка взглянуть на события 1812 г. через призму различных исторических концепций XIX–XX вв., часто вступающих в противоречие друг с другом. Статья И. С. Огоновской рассматривает историческую динамику данных концепций на материале школьных учебников XIX–XXI вв. Военно-экономический фактор победы России над Наполеоном в трудах отечественных историков стал предметом исследования в статье В. А. Ляпина. В статье А. А. Постниковой, посвященной «березинским» страницам великой армии Наполеона, данная проблема рассматривается через призму французской историографии XIX в.

Историко-экономический фактор войны 1812 г. нашел свое отражение в статье гостыи из Республики Беларусь Е. А. Бруханчик «Кредитные учреждения Беларуси в период войны 1812 г.».

Среди материалов конференции представлены статьи и самых «юных» ее участников – бакалавров из Перми и Казани. В статьях учащихся Пермской высшей школы экономики Н. А. Соловарова, К. О. Щукиной, К. А. Подъяковой на материале романа Л. Н. Толстого «Война и мир» делается реконструкция таких исторических событий 1812 г., как осада Смоленска и пребывание Наполеона в Москве. Бакалавр Приволжского государственного университета Д. Е. Хамитов в своей статье обращается к проблеме историографии участия в Отечественной войне 1812 г. казанского ополчения.

Среди статей участников сборника значительное место занимают работы, посвященные проблемам патриотического воспитания в современной социокультурной ситуации, затрагивающие вопросы музейного и библиотечного дела, медиакультуры и системы образования в целом.

Данным вопросам посвящены статьи гостей конференции из Санкт-Петербурга и Новосибирска (И. В. Розина, И. А. Щепеткова, Т. П. Волохонская, Е. В. Пролет, И. В. Андреева, Ю. Ю. Лесневский), в которых Отечественная война 1812 г. рассматривается в проекции современного медиадискурса, память о 1812 г. воскрешается через экспозицию литературного музея (Всероссийский музей А. С. Пушкина), происходит презентация проекта «За Отечества спасение с именем твоим», в основе которого лежит аудиотактильный комплекс, адресатом которого становятся люди с ограниченными возможностями, инвалиды по зрению.

Так как конференция проводилась в Екатеринбурге, незабытыми оказались и вопросы, связанные с уральской тематикой Отечественной войны 1812 г. В статье Е. А. Гаврилик представлен материал об уральских православных храмах-памятниках, посвященных победе в Отечественной войне 1812 г. В статье Э. А. Подгорновой на примере проекта «Гроза двенадцатого

года» рассматривается работа центра патриотического воспитания «Родина» в г. Новоуральске Свердловской области. В двух статьях сборника, авторами которых являются Ю. В. Ключкова и Е. В. Сибирцева, предметом исследования становится освещение празднования 100-летнего юбилея Отечественной войны в 1912 г. как на страницах уральской прессы в целом, так в екатеринбургской газете «Голос Урала» в частности.

Все статьи, представленные в сборнике, способствуют литературно-психологической и исторической реконструкции культурного менталитета героической эпохи 1812 г., о лучших представителях которой хочется сказать словами Наполеона Бонапарта, когда он был еще никому не известным лейтенантом артиллерии: «Воистину великие мужи – словно метеоры: они стоят и сгорают, дабы осветить землю».

Е. Е. Приказчикова

Раздел 1

«Отец седых дружин, любимый сын молвы...»: тема Наполеона и наполеонизма в мировой гуманитарной традиции

Образ Наполеона Бонапарта на страницах «Вестника Европы» Н. М. Карамзина в контексте исторической концепции писателя

Т. А. Алферьева

Рассматривается образ французского консула Наполеона Бонапарта, появившийся на страницах карамзинского «Вестника Европы» в 1802–1803 гг., исследуются специфика его изображения и интерпретации в качестве героя-миротворца, органично связанные со своеобразием исторической концепции Н. М. Карамзина того периода, нашедшей свое отражение в «Истории государства Российского».

Ключевые слова: Н. М. Карамзин; журнал «Вестник Европы»; историческая концепция; Наполеон Бонапарт.

По справедливому замечанию Н. Пушкаревой, «просвещенный» XVIII в. был веком своеобразного «российского матриархата»¹, где доминантным образом правителя является личность императрицы Екатерины II. XIX столетие знаменуется «веком Наполеона Бонапарта», чья личность волновала буквально всех современников.

В русском литературоведении и историографии высоко оценена деятельность Н. М. Карамзина как просветителя русского общества второй половины XVIII – начала XIX в.

В 1789–1790 гг. Карамзин совершает путешествие по Европе. Писатель был в Париже во время Великой французской революции, которая, по словам исследователя Н. Д. Кочетковой², оказала сильное влияние на формирование его историко-политических взглядов. До путешествия по Европе молодой Карамзин разделял взгляды масонов, членов кружка Н. Новикова, по отношению к истории. Историческая концепция масонов основывалась на идеях постепенного нравственного самосовершенствования человека и человечества в целом в религиозном контексте осознания первородного греха и его искупления. Но после впечатлений от революционной Франции и личного знакомства с И. Г. Гердером Карамзин отходит от исторической концепции масонов, привлеченный концепцией Гердера, изложенной в его труде «Идеи к философии истории человечества», основным ядром которого является идея о паленгенезии – переходе к иному, высшему, состоянию: по Гердеру, материальный и духовный мир непрерывно развиваются и совершенствуются. Н. Д. Кочеткова справедливо отмечает: «Как и Гердер, Карамзин сближает историю общества с историей природы ... связывает это представление с идеей о непрерывности развития»³.

¹ А се грехи злые, смертные...: Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X – первая XIX в.): Тексты. Исследования / сост. и вступ. ст. Н. Л. Пушкаревой. М., 1999. С. 612.

² Кочеткова Н. Д. Формирование исторической концепции Карамзина – писателя и публициста // Пробл. историзма в рус. лит. конца XVIII – начала XIX в. Л., 1981. Вып. 13. С. 132.

³ Там же. С. 136.

Постепенно меняя свои историко-политические и литературно-эстетические взгляды, Карамзин издает «Московский журнал» (1791–1792), который, по словам профессора Э. Кросса, стал «трибуной русского сентиментализма» и положил начало тому, что позднее назовут «карамзинским периодом в русской литературе»⁴.

Далее Карамзин приходит к выводу, что каждое современное событие – это «исторический факт», что история общества невозможна без осознания национального прошлого, которое «помогает понять настоящее, предугадать будущую судьбу своего народа»⁵.

Что касается исторической концепции писателя, то на первом месте, как отмечает Н. Д. Кочеткова, стоит «вера предков» – это политический символ, с которым связана убежденность Карамзина в спасительности монархического правления»⁶. Карамзин верил в просвещенного монарха, который определялся с точки зрения пользы и нравственной ценности исторической личности. Итак, по Карамзину, просветительская деятельность Петра I отождествлялась с прогрессом в национальной истории. Но известно, что в 1811 г. в «Записке о древней и новой России» Карамзин уже критикует деятельность Петра I как монарха, который «не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество государств... Искореня древние навыки, представляя их смешными, хваля и вводя иностранные, государь России унижал россиян в собственном их сердце»⁷. Далее историк делает своего рода вывод относительно политической деятельности Петра I: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Петр»⁸.

Относительно просветительской деятельности Екатерины II, как отмечает Э. Кросс, «Карамзин живописал Екатерину II как царицу, предпочитающую разумные законы и отвергающую всякий деспотизм... Она стала необходимой частью его схемы развития России, ее имя заняло место рядом с Петром Великим и Александром I»⁹. Более того, в той же «Записке» Карамзин отметит, «что время Екатерины было счастливейшее для гражданина российского»¹⁰.

По словам того же Кросса, «по возможности Карамзин всюду восхвалял Александра I как мудрого самодержца и связывал предстоящую славу России с его личным руководством и примером»¹¹. Так как «вера предков» – это и символ национального, это и история... русского народа в целом»¹². На тот момент своего понимания истории Карамзин полагал, что просвещенное самодержавие есть единственно возможная форма правления для русского народа, так как народ еще не готов к самостоятельному общежитию в силу своей непросвещенности. Карамзин стоял за постепенные, неторопливые изменения в общественном строе страны.

Эти социально-политические мысли развиваются на протяжении издания Карамзиным журнала «Вестника Европы» (1802–1803) и утверждаются в его «Истории государства Российского». По словам Э. Кросса, если в «Московском журнале» Карамзин «выступал преимущественно как литератор, теперь же к этой роли добавились две другие: историка и политического публициста. Теперь пропаганда просвещения в России приобрела у него новую национальную окраску. «Вестник Европы» – фокус карамзинской мысли и творчества в начале царствования Александра I; это кульминация его деятельности на поприще русской литературы и одно-

⁴ Кросс Э. «Вестник Европы» Н. М. Карамзина, 1802–1803 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2002/6/kross.html>.

⁵ Кочеткова Н. Д. Формирование исторической концепции Карамзина... С. 149.

⁶ Там же. С. 150.

⁷ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 32.

⁸ Там же. С. 35.

⁹ Кросс Э. «Вестник Европы» Н. М. Карамзина. С. 44.

¹⁰ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России... С. 44.

¹¹ Кросс Э. «Вестник Европы» Н. М. Карамзина...

¹² Кочеткова Н. Д. Формирование исторической концепции Карамзина... С. 150.

временно – его лебединая песнь перед вступлением “в храм истории”¹³. Журнал «Вестник Европы» состоял из двух частей: «Литература и смесь» и «Политика», последняя преобладала в журнале. «Литература и смесь» отражала творчество Карамзина как поэта («Гимн глупцам», «Меланхолия», «К добродетели» и др.), переводчика (работы Огюста Лафонтена, де Жанлис, Мармонтеля др.), автора повестей и реформатора русского литературного языка («Рыцарь нашего времени», «Марфа Посадница», «Моя исповедь», «Чувствительный и холодный»). Также в журнале печатались поэтические произведения И. И. Дмитриева, Г. Р. Державина, М. М. Хераскова, Ю. А. Нелединского-Мелецкого и др. Часть «Политика» отражала социально-политические проблемы в историческом контексте времени, где доминантным образом правителя выступал Наполеон Бонапарт. Как точно подметил Э. Кросс, «Наполеон царил в «Вестнике» и как личность, и как ключ к европейскому миру»¹⁴. Безусловно, Карамзин не мог выпустить из вида французского консула, так как образ Бонапарта органически вписывался в его собственную историческую концепцию Просвещения, которая способствовала появлению его «Истории государства Российского».

Итак, Карамзин, осознав всю полноту негативных последствий Великой французской революции для страны и истории в целом, приветствует «корсиканского солдата» и одобряет его как героя-миротворца на страницах «Вестника». Так, в журнале № 8 за 1802 г. Карамзин публикует письмо о консуле Бонапарте, полученное из Франции. Письмо воссоздает положительный образ Наполеона и его супруги¹⁵. Карамзин неоднократно подчеркивает, что консул смог восстановить монархию в своей стране, и определяет цель Бонапарта как истинного самодержца – «власть и слава»¹⁶. Писатель отмечает главные качества консула, которые помогли ему дать «французам имя великой нации»¹⁷, – «решительность Наполеона, непоколебимая воля – главный характер героев»¹⁸. Карамзин видит в консуле просвещенного монарха, так как последний любил науки, способствовал развитию просвещения, рационально пользовался талантами других людей для достижения целей. Бонапарт помог восстановить авторитет христианской религии, так как считал, что религия приносит пользу государству. Писатель подчеркивает, что «консул считает себя диктатором, а консульское достоинство свое диктатурой», так как «французы легкомысленны, поэтому им нужен опекун»¹⁹. Карамзин также приводит и мнение самих французов, которые вторят, что Бонапарта все боятся, но также соглашаются, что консул нужен им для сохранения порядка²⁰, так как «счастье Бонапарта быть полезным для отечества»²¹. Конечно, Карамзин видел и не скрывал от общественности и человеческие слабости консула, который «имеет одну страсть, но сильнейшую и самую разрушительную, – властолюбие и любочестие»²². Но тем не менее «только одному первому консулу Бонапарту прилично в истории название единственного», а «правление его также единственно, безпримерно»²³. Так как «Бонапарт, желая блага Французам, желает его, конечно, и всему человечеству»²⁴.

Таким представлялся образ великого Наполеона Бонапарта Карамзину в начале XIX в. Но уже в 1812 г. взгляд Карамзина на политическую деятельность Наполеона Бонапарта карди-

¹³ Кросс Э. «Вестник Европы» Н. М. Карамзина...

¹⁴ Там же. ...=1242.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. ...=1534.

¹⁷ Там же. ...=1571.

¹⁸ Там же.

¹⁹ «Вестник Европы» Н. М. Карамзина... =1571.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же. ...=1573

²³ Там же. ...=1572

²⁴ Там же. ...=1571

нально меняется. Из героя-миротворца он превращается в антигероятирана, непримиримого врага русского народа. Так, в поэтическом произведении «Освобождение Европы и слава Александра I» (1814) Карамзин отождествляет Бонапарта с «лютым тигром», наделяет его характерными эпитетами: «палач», «изверг», «злодей». Поэт ликует, что наконец-то «низверглась адская держава»²⁵. Бонапарта, и чествует праведного Александра I за заслуги перед Отечеством.

На наш взгляд, социально-политический образ Наполеона Бонапарта схож у Карамзина с образом Петра I в контексте истории. Карамзин вначале создает миф о национальном герое (Петр – Бонапарт), а затем переосмысляет его в силу происходящих исторических событий. В частности, переосмысление образа Наполеона было связано с реальными историческими поступками, которые совершал первый консул (например, с казнью герцога Энгиенского).

Безусловно, взгляды Карамзина на ход истории отразились и на его творчестве, в частности историческая повесть «Марфа Посадница» представляет собой художественную модель исторической концепции писателя. Как отмечает Н. Д. Кочеткова, «повесть знаменует новый этап в творчестве Карамзина, стремящегося теперь уловить логику исторических событий, проследить их закономерности»²⁶.

Таким образом, вслед за А. А. Шириянцем и Д. В. Ермашовым, можно сделать следующий вывод: именно в самодержавии Карамзин «видел единственную силу, способную удерживать российское общество от впадения в крайности революционных разрушений и массовых беззаконий. Стремление обосновать закономерность и необходимость самодержавия для блага России было одной из главных причин, побудивших Карамзина заняться историей»²⁷.

©©Алферьева Т. А., 2013

²⁵ Карамзин Н. М. Стихотворения. Л., 1966. С. 300.

²⁶ Кочеткова Н. Д. Формирование исторической концепции Карамзина... С. 153.

²⁷ Шириянец А. А., Ермашов Д. В. Мировоззрение Н. М. Карамзина в контексте консервативной традиции [Электронный ресурс]. Ст. 3. URL: // <http://www.portalslovo.ru/history/41265.php?PRINT=Y>.

Наполеон в оценке М. И. Невзорова

Т. А. Драгайкина

Осмысливается личность и деятельность Наполеона Бонапарта в оценке журналиста и литератора первой четверти XIX в. М. И. Невзорова. Подходя к образу французского императора с точки зрения собственных представлений об истинном величии человека, не совместимом с тягой к завоеваниям и разрушению, М. И. Невзоров в своем журнале «Друг юношества» критиковал те тенденции в культуре, которые способствовали идеализации образа Наполеона и формированию идей «наполеонизма», проблема которого была столь значима для русской классической литературы XIX столетия.

Ключевые слова: М. И. Невзоров; Наполеон Бонапарт; публицистика 1810-х гг.; романтизм.

При наличии ряда обзорных работ, посвященных трактовке образа Наполеона в русской публицистике и художественной литературе²⁸, представляется небезынтересным рассмотрение его оценки отдельными современниками, в которой отразились воззрения представителей их круга. В данной статье мы кратко рассмотрим подход к оценке этой личности, ее роли в истории и культуре поэта и публициста Максима Ивановича Невзорова (1763–1827).

М. И. Невзоров по своим воззрениям и вкусам во многом оставался всю жизнь человеком восемнадцатого столетия. Он был стипендиатом Дружеского ученого общества. Блестяще окончив Московский университет, он продолжил образование в Европе. Преданный последователь Н. И. Новикова, розенкрейцер, который арестовывался по делу московских «мартинистов», был доведен допросами С. И. Шешковского до психического заболевания, он, освободившись из-под следствия, продолжил просветительскую деятельность в духе новиковских обществ. Невзоров был весьма активным журналистом и литератором, претендовавшим на роль наставника нового поколения: вопреки насмешкам многих современников, он отстаивал свою часто не соответствующую духу времени точку зрения, сложившуюся еще в студенческие годы. Для него были характерны склонность к морализаторству, бескомпромиссность в нравственных вопросах, потребность воздействовать на общество, просвещая его, представление о дидактической функции словесности, мистицизм, определенное свободомыслие в религиозных вопросах. В 1805–1815 гг. Невзоров занимал пост директора типографии Московского университета, что, наряду с поддержкой состоятельных единомышленников (М. Н. Муравьева, И. В. Лопухина), позволяло ему издавать собственный журнал, не пользовавшийся особой популярностью, но небезынтересный с точки зрения истории культуры, – «Друг юношества».

Это было одним из первых российских периодических изданий, ориентированных на воспитание молодого поколения. Познавательная функция журнала была во многом подчинена назидательной задаче: из статей естественно-научного и исторического содержания, как правило, следовал моральный вывод. Многие статьи, в том числе переводные, издатель снабжал обширным комментарием. Публиковались в «Друге юношества» и художественные произведения, написанные самим Невзоровым, его единомышленниками, присланные читателями.

Ряд поэтических произведений Невзорова был посвящен войне с Наполеоном и победе над ним. «На случай войны с французами» (Друг юношества, 1812, № 6), «На новый 1814-й год» (Московские ведомости, 1814, № 1), «Ода на чудесные российские победы» (Друг юно-

²⁸ См.: Наринский М. М. Наполеон в современной ему российской публицистике и литературе // История СССР. 1990. № 1. С. 126–138; Лобачкова М. Г. Образ Наполеона Бонапарта в русской публицистике, 1799–1815: автореф. дис. ... канд. филол. наук, Самара, 2007; Амбарцумов И. В. Образ Наполеона I в русской официальной пропаганде, публицистике и общественном сознании первой четверти XIX века [Электронный ресурс]. URL: <http://www.museum.ru/1812/library/Ambartsumov/part01.html>.

шествия, 1814, № 4, с. 117–124) (в 1814 г. они были изданы отдельной книгой «Три оды»). Трактовка событий Отечественной войны достаточно близка к официальной: захватчики ассоциируются с завоевателями прошедших времен и действуют «по наглым чертежам Мамая», французский император назван «вечерним новым Чингис-Ханом»; Россия побеждает: в ней «Бог на трон воссел». Русские войска, «как быстрые орлы летали / Они, и всюду галлов гнали: / Дух Божий духом их водил». Воспеваётся благочестивый Александр, «вождь Европы и отец»²⁹.

С сентября 1812 по декабрь 1813 г. Невзоров также был издателем «Исторического, статистического и географического журнала, или Современной истории света» в связи с тем, что его постоянный издатель М. Г. Гаврилов ещё не вернулся в Москву после нашествия французской армии. Ряд статей о политической деятельности Наполеона, написанных Невзоровым, был опубликован в сентябрьском и октябрьском номерах этого журнала, представлявшего собой хронику новейших политических событий, претендующую на максимальную полноту освещения происходящего в Европе. Впрочем, присутствовала в журнале и информация о событиях в России. В 1813 г. тексты Невзорова о Наполеоне вышли отдельной книгой под заглавием «Наполеонова политика, или Царство гибели народной».

Разумеется, в сочинении, созданном в период нашествия армии Наполеона, не могло быть положительных оценок каких-либо его качеств и действий. Даже те эпизоды его биографии, в которых его поведение можно было бы трактовать как проявление доблести (например, то, как спокойно он заряжал пушки при осаде Тулона, не обращая внимания на «ужасы смерти»), истолковываются как доказательства его жестокосердия, приводимые автором красноречивые высказывания – как образцы лицемерия. Впрочем, судя по более ранним текстам Невзорова, весьма полно отражающим его воззрения, пересматривать свое мнение о нем ему не приходилось: он не мог одобрять героизации завоевателей и деспотов, а их отдельные прогрессивные нововведения не влияли на его оценку их личностей и места в истории.

Так, безусловно положительной чертой политики Наполеона, с точки зрения масона Невзорова, считавшего необходимым уважение к чужим религиям, являлась его веротерпимость. Однако это качество в Наполеоне он трактует как «по наружности доброе постановление»³⁰, изданное французским императором не из широты взглядов и проповедуемой Евангелием любви к людям, а чтобы привлечь на свою сторону максимально большее число представителей различных конфессий, видит в нем циничное использование религий человеком, их презирающим, лишь «наружно» исповедующим католицизм и мечтающим занять место Бога. Стремлением сыграть на религиозных чувствах народа во многом объясняется и желание Бонапарта быть коронованным папой римским. Все разумное, благое в распоряжениях Наполеона публицист приписывает стремлению «некоторым образом соответствовать проповедуемому о себе мнению». Правда, систему законодательства Наполеона Невзоров описывать не берется (видимо, потому, что плохо знает), но высказывает предположение, что направлена она на благо тирана, а не граждан. Наполеон предстает врагом всего мира, не исключая французский народ.

Многие высказывания о Наполеоне, особенно со стороны дворян, объясняли политику и поступки Наполеона его невысоким происхождением, «диким» корсиканским воспитанием и чуждостью французской нации. Сравнивая Бонапарта с царственными завоевателями минувших веков, его противники расценивали его как неблагородного выскочку, «похитителя престолов» и иногда объясняли его завоевательную политику необходимостью отвлекать внимание подданных на внешние цели, не давая им времени приглядеться к нему и обнаружить его низость. «Законный наследник македонского престола был часто великодушен; Наполеон,

²⁹ Невзоров М. И. Ода на чудесные российские победы // Друг юношества. 1814. № 4. С. 117–124.

³⁰ Невзоров М. И. Наполеонова политика, или Царство гибели народной... М., 1813. С. 73.

ничтожный по породе, еще ничтожнее по душе»³¹. Охотно перепечатывались и сочинения европейских противников Наполеона, пытавшихся доказать, что он никак не может быть сравним с выдающимися людьми прошлого. «Бонапарте есть ложно-великий человек: он не имеет того великодушия, которое составляет истинных царей и героев. Никто не слышал из уст его ни одного из тех слов, которые показывают Александра и Цезаря»³². М. И. Невзоров, выходец из бедной рязанской семьи, духовного сословия, в отличие от многих писавших о Наполеоне сограждан, никогда не ставил Наполеону в вину его происхождение, неоднократно подчеркивая, что качества человека не зависят от его знатности, национальности или морального облика его родителей (в антинаполеоновских памфлетах нередко утверждалось, что его мать была распутной женщиной), а политика следует оценивать по тому, как он распорядился своим могуществом (при этом способ обретения власти представляется менее важным): «Если бы Наполеон, получив в свои руки верховную власть Франции, все свои напряжения и усилия употребил к тому, чтоб неустройства, беспорядки и несчастия, раздиравшие тогда жалости достойное сие государство, прекратить и внести порядок, стройность, благочинность, спокойство и обеспечить бедных граждан в участи своей жизни и имущества: тогда конечно бы он, невзирая на его не очень знатное происхождение, получил имя отца и благодетеля отечества»³³. Рассказывая о детстве и юности Бонапарта, Невзоров отмечает, как болезненно он переносил намеки на покорение Корсики Францией, и упрекает его в том, что, вместо того чтобы сделать свое отечество свободным, он поработил другие страны, не сдержав и своего долга перед родиной. Таким образом, по Невзорову, оценивать человека следует лишь по его личным качествам и волевым решениям, которые никак не выводятся из происхождения, а «благородные» тираны, такие как упомянутый Шатобрианом Александр Македонский, вовсе не заслуживают большего уважения.

Рассматривать статьи, связанные с Наполеоном и Отечественной войной 1812 г., правомернее в общем контексте журналистской политики Невзорова, стремившегося к тому, чтобы его издание было максимально полезно для молодежи.

Например, в статье «Разговор отца с сыном о свойствах великих людей» утверждается, что Александр Македонский «был великий завоеватель, но не великий человек»³⁴. В другой статье, напечатанной в этом же издании, публикуется статья о Цезаре – «великом злодее»³⁵. По мнению издателя, беседуя с молодежью, необходимо приводить примеры не только положительные, но и отрицательные, уделять внимание и «великим злодеям», и заблуждающимся, разоблачая их и объясняя их поступки. Оценки, которые он давал знаменитым историческим личностям, должны были формировать систему ценностей молодого поколения, которому предназначался журнал, и соответствующее отношение к политическим деятелям современности. В качестве достойных звания великих называются Тит, Траян, Марк Аврелий (именно с ним сравнивается Александр I), также Невзоров причисляет к ним Нуму Помпилия, Регула, Солона, Ликурга, Конфуция, Зороастра. Известные завоеватели изображаются как безрассудные авантюристы, движимые своим беспредельным честолюбием. Наполеон является именно последователем подобных исторических деятелей. Описание его биографии может служить предостережением подобным «горделивцам», «метеорам, зверский бег которых Бог останавливает»³⁶.

³¹ Может ли Наполеон не быть завоевателем? // Рус. вестн. 1814. № 5. С. 81–82.

³² Изображение Бонапарта. Сочинение Шатобриана // Вестн. Европы. 1814. № 10. С. 139.

³³ Невзоров М. И. Наполеонова политика, или Царство гибели народной... С. 47.

³⁴ Друг юношества. 1808. № 2. С. 17.

³⁵ Там же. 1808. № 6. С. 74–75.

³⁶ Невзоров М. И. Наполеонова политика... С. 82.

Как писал Невзоров, Наполеон вдохновлялся опытом «удальцов и прошлецов всех веков», к которым он причисляет «Юлиев Цезарей, Атилл, Иулианов, Тамерланов, Чингис-Ханов, Годуновых»³⁷. Не исключает он из перечня политиков-авантюристов и «безумного последователя» Александра Македонского Карла XII. По его мнению, мечты о завоевании мира – донкихотство, безумие, а удача иногда сопутствует подобным авантюристам по попущению Божьему для испытания народов или в качестве наказания им за вероотступничество. Он постоянно подчеркивает, что лишь с точки зрения людей, не достаточно твердых в добродетели и не обладающих подлинно глубоким умом, подобная личность может быть привлекательна, но отдает себе отчет в том, что таких людей было и будет немало. Именно поэтому разоблачению таких деятелей, по его мнению, следует уделять особое внимание. Цитируя статью о Вольтере из книги «Французский Плутарх для молодых людей», Невзоров спорит с высказыванием автора, которому критики философа-вольнодумца кажутся «бедными насекомыми, силящимися сдуть с поверхности земли египетскую пирамиду», и патетически восклицает, что предпочел бы быть безвестным насекомым, а не «пирамидой», которую проклинают³⁸. Это высказывание, как нам представляется, в еще большей степени применимо к Наполеону и к тем, кто завидовал его славе (тем более что отношение Невзорова к Вольтеру было не столь однозначным, многие его произведения, в частности трагедии, он ценил). Рассказывая о преследовании Бонапартом свободы печати и о немецком книготорговце И. Пальме, отказавшемся назвать имя автора продававшейся им листовки «Германия в ее глубочайшем унижении» и расстрелянном как военный преступник по собственному распоряжению Наполеона, Невзоров заявляет: «Нельзя... при воспоминании почтеннейшего имени Пальма не сказать, что он в несколько тысяч крат в глазах честных и добродушных христиан более Наполеона; ибо он для спасения жизни ближнего бестрепетно пожертвовал своею, а Наполеон миллионы чужих жизней безжалостно приносит в жертву своему честолюбию»³⁹.

Истинную силу духа Невзоров видит в победе над собой, в управлении страстями и желаниями. Наполеон же, по его мысли, им поддавался и потакал, а необыкновенные обстоятельства, обусловленные Французской революцией, позволили ему, как и многим другим, ярко проявить свои качества в действии.

В книгу включена также написанная Невзоровым статья «Состояние европейских государств до начала французской войны 1812 года», которая позволяет объяснить успехи Наполеона. Так, незавидное положение Пруссии Невзоров приписывает ее излишней приверженности к вольнодумной «философии осьмнадцатого века», сделавшей умы самонадеянными и развратившей нравы. В такой трактовке просматривается скрытое противопоставление ее России, вере ее жителей в Провидение, твердости их духа и любви к Отечеству, позволяющим дать отпор захватчику. Именно восприятие себя как Божественного орудия, остановившего захватчика, приписывание своих побед воле Бога оберегает русский народ от гордыни, которая могла бы охватить победителей.

Не были совершенно чужды экзальтированному Невзорову и представления о Наполеоне-Антихристе; во всяком случае, в его рукописных сочинениях встречается характеристика Александра I как апокалипсического ангела, связывающего Сатану на 1000 лет⁴⁰. В официально печатаемых текстах он, однако, избегает подобных идей, и встречающиеся там выражения типа «чадо князя тьмы» и «совершенно антихристовское действие» (об умерщвлении пленных в Египте) носят риторический характер. Мысль о Наполеоне продолжала его тревожить и после ссылки; так, в письме к А. Н. Голицыну от 10 декабря 1818 г., с которым Невзо-

³⁷ Там же. С. 37.

³⁸ Друг юношества. 1808. № 1. С. 123.

³⁹ Невзоров М. И. Наполеонова политика... С. 54–55.

⁴⁰ См.: РО РНБ (Рукописный отдел Российской национальной библиотеки). Q III. 73. Л. 50.

ров делился своими мистическими переживаниями, он рассказывал, что ему привиделось, что Наполеон бежал с острова Святой Елены⁴¹.

Книга вышла по просьбе и на средства сенатора И. В. Лопухина, орденского наставника Невзорова, его друга и благодетеля, оказывавшего ему материальную и моральную поддержку в издании «Друга юношества». По его же предложению она была снабжена гравюрой, изображающей обнаженного человека с хлещущей изо всех жил кровью с подписью «Плоды Наполеоновой политики» – то, что, по мнению сенатора, Наполеон принес миру.

В своей усадьбе Ретяжи в Орловской губернии И. В. Лопухин установил памятники в честь победы над Бонапартом: крест с изображением всевидящего Ока, надписью «Благочестию Александра I и славе доблестей русских в 1812 году» и выдержкой из манифеста императора Александра в Карлсруэ 6 декабря 1813 г.; каменное кресло с вырезанной на нем датой взятия Парижа (19 марта 1814 г.); восьмиконечный крест из необработанных камней с надписью «1814. Вечная память за Отечество на брани убиенным воинам из здешних поселян». И. В. Лопухин отмечал, что после сооружения этих памятников Орлиная пустынь стала еще больше привлекать соседей. Особое символическое значение имела имитация могильного камня, на котором было вырезано «И память вражия погibe с шумом». Подробное описание этих памятников было опубликовано в «Друге юношества»⁴². 9 мая 1814 г. И. В. Лопухин устроил в своем имении «похороны Бонапартовой славы» и пригласил соседей «порадоваться на могилу» славы Наполеона. Продуманная им церемония, сопровождавшаяся пальбой из мортир, заключалась в бросании на камень горсти песка со словами «Слава твоя прах и в прах возвращается»⁴³. Учитывая характерное для XVIII в. тяготение к аллегориям и театрализованным действиям, подобное празднество не так уж эксцентрично.

На наш взгляд, не совсем правомерны упреки А. Г. Суровцева, автора наиболее подробной биографии И. В. Лопухина, в нехристианском и «немасонском» отношении И. В. Лопухина к поверженному врагу⁴⁴. Речь шла о победе над врагом страны, а не над личным недругом. Символически похоронено в его усадьбе было отвлеченное понятие, а не реальный человек, остававшийся в то время в живых. В поражении Наполеона современники прочитывали мистический и нравственный смысл, победу подлинных ценностей над мнимыми, истинной доблести над ложным блеском. «Часто, при могиле памяти Бонапартовой, беседуют о тщетности славы громкими злодействами приобретаемой, коей у людей низкого звания венцем бывает виселица, а у сильных мечта лавров, омоченных на небо вопиющей кровью; беседуют о бренности ложного величия, коим слабые умы и сердца восхищаются»⁴⁵.

Однако, как известно, слава Наполеона не померкла и после его смерти, и восклицания очевидцев разгрома его армии и его окончательного поражения о том, что он заслужит только проклятия потомков, не оказались пророческими. Даже издатель «Русского вестника» С. Н. Глинка, в свое время публиковавший весьма резкие статьи о французах, в автобиографических «Записках» не оспаривает величия Наполеона, называет его «дивным человеком нашего века»⁴⁶, цитируя его высказывания⁴⁷ и признавая за ним определенный авторитет.

На наш взгляд, изменение отношения к Наполеону в России объясняется не только отношением к поверженному врагу и признанием его выдающихся талантов.

В журнале «Друг юношества» в 1813 г. было опубликовано стихотворение известного поэта-сентименталиста Петра Ивановича Шаликова «К моей библиотеке». «История зовет

⁴¹ Там же. Л. 82.

⁴² Продолжение Орлиной пустыни // Друг юношества и всяких лет. 1814. № 8. С. 113–128.

⁴³ Письмо И. В. Лопухина к Д. П. Руничу от 10 мая 1814 г. // Рус. архив. 1870. Стб. 1225.

⁴⁴ Суровцев А. Г. Иван Владимирович Лопухин. Его масонская и государственная деятельность. СПб., 1901. С. 109.

⁴⁵ Продолжение Орлиной пустыни... С. 117.

⁴⁶ Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб., 1895. С. 362.

⁴⁷ Там же. С. 368.

Великим человеком – / Кого? Счастливого злодея на земле, / Тогда, как должно бы скрыть его во мгле, / Чтобы неведом был в потомстве он далеком, / Или чтоб клятвами оно платило дань / Тому, кто объявил спокойству смертных брань!». Поэт выражает предпочтение добродетельных министров и царей, стремившихся к благу граждан своей страны, однако осознает, что их негромкая слава не прельщает многих: «История! Но ты – ты многих зол виною! / Ты искушаешь сих жестоких гордецов, / Которым тесен свет, – приманкою венцов, / За дерзость наглую даваемых тобою! / Ты любишь блеск и шум! Но скромные дела / Великих прямо душ безвестны остаются, / Не ищет их твоя трубящая хвала»⁴⁸. Затрагивается не теряющая актуальности проблема притягательности громкой славы, сомнительной в нравственном отношении.

Отмечая особое внимание Наполеона к истории Карла Великого, Невзоров отмечает: «Не добродетели Карловы, если он их имел, пленяли Наполеона, но власть и завоевания его были для него прелестны»⁴⁹. Так же и в фигуре Наполеона многих привлечет не столько его гражданский кодекс, сколько образ человека исключительного, которому все дозволено, хладнокровно распоряжающегося судьбами миллионов. Даже самые ярые противники Наполеона, граждане воюющей с ним страны, отказывавшие ему в истинном величии, догадывались о том, что для многих людей его образ будет притягательным, несмотря на печальный конец. Как это ни парадоксально, в стране, победившей Наполеона, нашлось достаточное число его восторженных почитателей.

И. В. Лопухин в статье «Примеры истинного геройства, или Князь Репнин и Фенелон в их собственных чертах» приводит свой любимый исторический анекдот об авторе знаменитого «Телемака», аббате Фенелоне, который, желая утешить бедного крестьянина, идет в занятую неприятелем деревню, отыскивает и приводит к нему его единственную корову. На этот сюжет И. В. Лопухин намеревался написать пьесу, утверждая, что «Фенелонова корова славнее Наполеона, ищущего славы себе в том, чтоб не оставить на земле ни одной коровы и ни одного человека голодного, ежели неубитого»⁵⁰. По построению фразы заметно, что эта мысль далеко не очевидна для всех. Далее в статье затрагиваются волновавшие автора и его единомышленников этическая и эстетическая проблемы. «Я думаю, что больше бы театр сколько-нибудь полезен был, если б из без сильного потрясения страстей и чувствований предстали на нем и самые простые домашние действия примерной добродетели». С точки зрения эффективности, возможности вызывать изумление, производить впечатление биография Наполеона более выигрышна, чем биография Фенелона, как и немалого круга других политических деятелей. Нарождающаяся романтическая эстетика ставила акцент именно на изображении бурных страстей. Образ Наполеона совершенно вписывался в эстетику романтизма. В эстетической парадигме XVIII в. с ее рационализмом и четким и однозначным разделением добродетели и порока тирания и своеволие не могли быть привлекательными. С точки зрения романтиков, даже откровенный демонизм представлял не пугающим, а привлекательным. Крайний индивидуализм и агрессивное самоутверждение для человека XIX в. стали привлекательными качествами.

Были и попытки внести в противостояние Наполеону аристократический пафос, романтическую приподнятость. Так, М. И. Дмитриев-Мамонов, на которого Невзоров оказал большое влияние, организовал Орден русских рыцарей – своего рода прототип декабристских тайных обществ. Освободительный характер этой организации первоначально был нацелен на противостояние внешнему врагу, отстаивание независимости родной страны. Его красноречивые и патетичные «Краткие наставления Русским Рыцарям» иногда приписывали Невзорову⁵¹. В то же время можно говорить о предпосылках к распространению не только гражданской,

⁴⁸ Шаликов П. К моей библиотеке // Друг юношества и всяких лет. 1813. № 2. С. 136.

⁴⁹ Невзоров М. И. Наполеонова политика... С. 56.

⁵⁰ Лопухин И. В. Примеры истинного геройства, или Князь Репнин и Фенелон в их собственных чертах // Друг юношества и всяких лет. М., 1813. № 3. С. 21.

⁵¹ См.: РО РНБ. Q III. 73. Сочинения и мысли М. И. Невзорова. Л. 1–12.

но и индивидуалистической, «демонической» ветви романтизма, которые весьма беспокоили моралистов.

«Друг юношества» всегда положительно отзывался о произведениях, казавшихся многим читателям старомодными, и исповедовал подход к художественному творчеству, характерный для ушедшего столетия. Вопреки литературной моде, Невзоров пропагандировал творения С. С. Боброва, критиковал популярную легкую поэзию, пьесы Ф. Шиллера и роман И. В. Гете «Страдания юного Вертера». Невзоров порицает Гете не только как автора «Вертера», оправдавшего самоубийство, но и как «подлого раба и льстеца Наполеонова». По его мнению, подлинно мудрый человек не мог бы обмануться сиянием славы Наполеона, разглядев за ним порочность его натуры и его политики. Рассматривая трагедию Ф. Шиллера «Разбойники», Невзоров отмечал, что у немецкого драматурга «воображение повелевает умом, а не служит ему», что в пьесе много неестественного и неправдоподобного, на что не обращают внимания увлеченные патетическими сценами зрители. Он достаточно убедительно доказывал, насколько много в творениях модных писателей прегрешений как против этики, так и против здравого смысла, однако изменить течение литературного процесса он уже не мог. Тенденции, которые он и его единомышленники находили опасными, продолжали развиваться.

Консервативно настроенные читатели могли возмущаться, например, появлением на страницах журнала «Русский инвалид» статьи о Байроне и восклицать, что русскому воину не пристало обращать внимание на «мрачную поэзию англичан и человеконенавистническую философию немцев»⁵², что вряд ли могло помешать тем стать властителями дум. Как известно, проблема наполеонизма останется актуальной для многих великих русских писателей XIX в.

©©Драгайкина Т. А., 2013

⁵² Рунин Д. П. Письмо к издателям «Русского инвалида» от 23 апреля 1820 г. // Рус. старина. 1896. № 10. С. 137–138.

Наполеоновская легенда и наполеонический комплекс в русской литературе: аксиологический аспект

О. В. Зырянов

Наряду с наполеоновской легендой эпохи романтизма выделяется сформировавшийся в русской литературе наполеонический комплекс, отмечаются его ведущие черты и аксиологические основания. В анализе рассказа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Наполеон» прослеживается авторская тенденция к бытовому «заземлению» личности наполеонического героя, воспринимаемого с позиции духовно-нравственных ценностей русского народа. Корректируются устоявшиеся представления о национальных стереотипах немцев и французов.

Ключевые слова: Наполеон Бонапарт; наполеонический комплекс; биографическая легенда; аксиология; национальный стереотип; Д. Н. Мамин-Сибиряк.

Личность Наполеона получает в русской литературе двойственное воплощение. И зависит это не только от исторической дистанции («большое видится на расстоянии») и от эстетической парадигмы художественности (классицизм – романтизм – постромантизм). Хотя, естественно, указанные факторы нельзя сбрасывать со счетов. Взять хотя бы пушкинские признания о Наполеоне. Как отличаются, например, от выдержанных еще в классицистической парадигме стихотворения «Наполеон на Эльбе» (1815) и оды «Вольность» (1817) с ее призывом «Самовластительный злодей! / Тебя, твой трон я ненавижу, / Твою погибель, смерть детей / С жестокой радостию вижу»⁵³) последующие, уже романтические по духу, ода «Наполеон» (1821) и элегизированное послание «К морю» (1824). Парадоксальность пушкинской формулы приоткрывает в исторической личности Наполеона его поистине роковое предназначение: «Хвала!.. Он русскому народу / Высокий жребий указал / И миру вечную свободу / Из мрака ссылки завещал»⁵⁴.

Как показывает опыт пушкинской поэзии, биография Наполеона подвергается существенной мифологизации. В аспекте индивидуального и коллективного мифотворчества мы можем говорить о создании особой – наполеоновской – легенды. В создании ее важен отбор и акцентировка определенных биографических и исторических фактов, которые представляются наиболее значимыми и характерологическими именно с позиции мифотворчества. Выделим в хронологическом порядке основные вехи биографии Наполеона как историко-мифологического лица, оказавшиеся особо востребованными русскими поэтами-литераторами.

Во-первых, это принятие знаменитого Гражданского кодекса Наполеона, закрепившего основные достижения буржуазной революции и парадоксально совпавшего («бывают странные сближения») с расстрелом во рву Венсенского замка герцога Энгиенского (21 марта 1804)⁵⁵.

Во-вторых, происшествие в Яффе во время египетского похода, когда в отступающей после поражения под Сен-Жан-д'Арк армии Наполеона появляются случаи заболевания чумой. По одной версии, Наполеон предложил врачу дать больным солдатам смертельную дозу опиума. По другой – великий полководец, стараясь воодушевить больных солдат, пожимал им в лазарете руки, проявляя тем самым акт героизма и самоотверженности. Показательно, что в стихотворении «Герой» (1830) Пушкин отдает предпочтение именно второй версии, возвы-

⁵³ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л., 1977. Т. 1. С. 284.

⁵⁴ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. С. 60.

⁵⁵ См. в этом плане парадоксальное сближение образов Бориса Годунова и Наполеона в пушкинских заметках на полях статьи М. П. Погодина «Об участии Годунова в убийстве царевича Димитрия»: «А Наполеон, убийца Энгиенского, и когда? Ровно 200 лет после Бориса» (Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 7. С. 386).

шающему душу «обману», противопоставляя его, по собственному признанию, «тьме низких истин», наполняющих историю.

В-третьих, заточение Наполеона на острове Св. Елены, когда гений его «угасает» в одиночестве и страшной тоске от разлуки с сыном. Именно данный сюжет будет положен в основу пушкинской оды «Наполеон» (1821).

Наконец, в-четвертых, историческое событие, относящееся уже к посмертной судьбе Наполеона: речь идет о решении перезахоронить прах великого полководца в Париже накануне двадцатилетия со дня его смерти, в декабре 1840 г. На данное событие находим в русской литературе многочисленные отклики, в том числе и специальные циклы стихов А. С. Хомякова и М. Ю. Лермонтова. Итак, когда речь идет о складывании наполеоновской легенды, то это вполне объяснимо как результат апологии исторического героя, акт его романтизации: герой является в ореоле исключительности, представляя трагически страдающим и отверженным, вообще непризнанным или недооцененным обывательской массой, толпой. В таком случае в образе Наполеона как исторического лица акцентируются, как правило, ценностно-позитивные черты.

Совсем иначе обстоит дело с так называемым наполеоническим комплексом. По сути, это все тот же образ Наполеона, его концептуально осмысленная биография, но на этот раз уже пропущенные через призму национального самосознания, отраженные в зеркале этнопоэтики. Напомним, что этнопоэтика (как вполне законная часть исторической поэтики) призвана «изучать национальное своеобразие конкретных литератур» и, в частности, ответить на вопрос, что «делает русскую литературу русской»⁵⁶. Черты Наполеона-антихриста, воплощение непомерного индивидуализма, беспрецедентной в истории человечества гордыни – вот что прежде всего акцентирует в наполеоническом комплексе русская классическая литература. Пример поистине поучительный и требующий вдумчивого аналитического объяснения!

Пожалуй, впервые национально-ценностная модель, развернутая рефлексия на данную тему появляется во второй главе «Евгения Онегина» А. С. Пушкина:

Но дружбы нет и той меж нами.
Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех нулями,
А единицами – себя.
Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно;
Нам чувство дико и смешно⁵⁷.

Наполеонический комплекс как тип мироощущения и жизненного поведения героя представлялся поэту существеннейшей проблемой в понимании современного человека и, может быть, человеческой природы вообще. Постоянные раздумья величайшего русского художника над личностью и судьбой Наполеона отзываются, казалось бы, в самых далеких от этого героя сюжетах⁵⁸. Более того, вполне возможно, что присущее Пушкину неприятие индивидуалистической философии и пафоса безоглядного самоутверждения личности поддерживается постоянным присутствием в его художественном сознании образа Наполеона, подкрепляется – от противного – примером этого обреченного героя-титана, своеобразного сверхчеловека. Так, к

⁵⁶ Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Евангельский текст в русской литературе веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. науч. тр. Петрозаводск, 1994. С. 9.

⁵⁷ Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 5. С. 36.

⁵⁸ См.: Муравьева О. С. Пушкин и Наполеон: (пушкинский вариант «наполеоновской легенды») // Пушкин: исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14. С. 5–32.

примеру, прослеженная Пушкиным в душе Германна (героя «Пиковой дамы») борьба макро- и микрочеловека, о чем так вдумчиво писал в свое время Н. Я. Берковский⁵⁹, задает, по сути, центральную нравственно-философскую коллизию всей последующей русской литературы, вплоть до Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого.

На фоне пушкинских оценок «всего великого в человеке» последователь Н. В. Гоголь предстает как изобразитель «пошлости пошлого человека». В своем антропологическом эксперименте он выступает как первооткрыватель «дифференциальных исчислений» в литературе и на этой почве подвергает серьезной мутации саму идею наполеонической личности, высвечивая в ней нечто фантазмагорическое. Вспомним героя гоголевской поэмы Чичикова, в котором обитатели губернского городка признали «переодетого Наполеона», находя, что «лицо Чичикова, если он поворотится и станет боком, очень сдает на портрет Наполеона». Слухи о Чичикове приобретают столь фантастический характер, что, по предсказаниям некоторого местного пророка, вырастают в целую апокалипсическую картину: «Наполеон есть антихрист и держится на каменной цепи, за шестью стенами и семью морями, но после разорвет цепь и овладеет всем миром»⁶⁰.

Наконец, Ф. М. Достоевский в своем романе «Преступление и наказание» напрямую сближает преступную теорию Раскольникова с именами «законодателей и установителей человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и так далее»⁶¹. Вопрос, который встает во всей своей неразрешимости перед Раскольниковым, по существу определяя завязку романного сюжета: «...Что если бы, например, на моем месте случился Наполеон и не было бы у него, чтобы карьеру начать, ни Тулона, ни Египта, ни перехода через Монблан, а была бы вместо всех этих красивых и монументальных вещей просто-запросто одна какая-нибудь смешная старушонка, легистраторша...»⁶². Глубоко символично, что указанному перечню «сверхчеловеков», замыкающемуся именем Наполеона, противостоит у Достоевского образ Христа, ибо Человекобог принципиально противоположен обожествляющему свою гордыню сверхчеловеку. «Восстановление погибшего человека», по Достоевскому, – это и есть окончательное освобождение от наполеонического комплекса, выход человека на путь христианского смирения и покаянной молитвы.

В контексте нашего разговора примечателен «наполеоновский» цикл А. С. Хомякова, печатающийся в журнале «Москвитянин» (1841, № 1–3) и созданный по поводу торжественного перенесения останков Наполеона с острова Св. Елены в Париж в ноябре 1840 г. («На перенесение Наполеонова праха», «7 ноября», «Еще о нем»). Наполеон, в оценке Хомякова, – сверхчеловек, в конечном счете – Человекобог. Отметим оценочные характеристики: «Помазанник собственной силы!»; «И в те дни своей гордыни / Он пришел к Москве святой, / Но спалил огонь святыни / Силу гордости земной»; «Перед сном его могилы / Скажет мир, склонясь главой: / Нет могущества, ни силы, / Нет величья под луной!»; «Как будто сложили под вечный покров / Всю силу души, и всю славу веков, / И всю гордыню людскую»⁶³. Путь героя, по Хомякову, – это форма духовно-практического освоения мира, обусловленная не только историко-географическим, но и национально-этническим, более того, этноконфессиональным фактором. В этой связи принципиальное значение получает именно оценочный (этикоэстетический) момент в характеристике героя, ибо качество его подвига во многом зависит от критерия духовно-нравственного целеполагания. Что касается образа Наполеона, то он у Хомякова призван подчеркнуть идею мнимого возрождения, мотив земного и брэнного, по словам

⁵⁹ Берковский Н. Я. О «Пиковой даме» (заметки из архива): (публикация М. Н. Виролайнен) // Рус. лит. 1987. № 1. С. 61–69.

⁶⁰ Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 5. М., 1994. С. 188.

⁶¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. Л., 1973. С. 199–200.

⁶² Там же. С. 319.

⁶³ Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 118–120.

самого поэта, «могучего праха». Эта идея особенно контрастно проступает на фоне обрисовки других героических личностей в творчестве поэта – национально-патриотических героев, открывающих ценностные контуры авторского идеала, таких как легендарные Вадим и Ермак.

Схожие оценки личности Наполеона находим в стихотворном цикле Ф. И. Тютчева «Наполеон», состоящем из трех частей: «Сын Революции, ты с матерью ужасной...» (своего рода прелюдия), «Два демона ему служили...» (центр композиции), «И ты стоял, – перед тобой Россия!» (закономерный финал). Оценки поэта, строго выдержанные в свете этноконфессионального идеала, поразительным образом совпадают с теми, что мы наблюдали у Хомякова: «Не одолел ее [революции] твой гений самовластный!»; «Он был земной, не божий пламень, / Он гордо плыл – презритель волн, – / Но о подводный веры камень / В щепы разбился утлый челн»⁶⁴.

Обратимся к достаточно позднему и неоднозначному отражению наполеоновской темы в русской литературе – рассказу Д. Н. Мамина-Сибиряка «Наполеон». Данное произведение было впервые опубликовано в журнале «Юная Россия» (1907, ноябрь) и с тех пор не переиздавалось. Рассказ примечателен в нескольких отношениях. Прежде чем обратиться к смыслу его заглавия, исследуем образно-персонажную систему произведения.

Действие рассказа происходит в российском провинциальном городке Крутояр. Но в качестве основных героев писателем выбраны представители трех наций: русский мещанин Иван Иванович Шкарин, обрусевший «честный вестфальский немец» Карл Федорович Штурм (в последующей части рассказа, по всей видимости опечатка, – Штарм) и, наконец, «таинственный француз» по прозвищу Наполеон. Подобный прием совмещения в сюжете представителей различных наций (русский, немец и француз) чем-то напоминает избитую анекдотическую ситуацию. И действительно, у каждого из героев можно отметить доведенные до предельной типологической выраженности те или иные черты национального характера и стереотипы национального поведения. Забегая несколько вперед, форсируя проблемно-тематический анализ рассказа, можно сказать, что смысл его в том и заключается, что центральное событие (встреча и знакомство с «таинственным Наполеоном») призвано скорректировать устоявшиеся представления о национальных стереотипах, в первую очередь, конечно, героев – немца и француза. Но обо всем по порядку.

Открывается рассказ описанием «честного старого баварца» Карла Федоровича, торговца колбасной лавки. В его поведении отмечаются прежде всего аккуратность и пунктуальность, выверенная расчетливость и умеренность всех действий и поступков: «Да, Карл Федорыч выпивал одну бутылку (пива. – О. З.) за обедом и одну вечером, – и только»⁶⁵; «...соседи, глядя на часы, говорили: “Карл Федорыч открыл двери (магазина. – О. З.)”, – значит ровно восемь часов. Эта дверь с такой же точностью затворялась в восемь часов вечера» (с. 790). Полная размеренность распорядка дня обрусевшего немца подчеркивается и описанием его «второй половины», законной супруги Амалии Карловны, готовившей каждое утро своему благоверному добрый немецкий «кафе». Жизнь в российском провинциальном городке, естественно, не могла не наложить особый отпечаток на психологию баварского немца. С одной стороны, она вселила в него панический страх и породила в его душе стихийно-дерзостный вызов русским обычаям: «Ведь нынче так просто и легко убивают, стоит развернуть любую газету... А русские присяжные оправдывают всех убийц, и даже очень просто. “Иванов, признаете себя виновным в убийстве честного вестфальского немца Карла Федорыча Штурм?” – “Никак нет-с...” – “Ну, тогда вы очень свободны и никогда не убивайте вперед одного честного вестфальского немца”» (с. 791). С другой стороны, она вызвала к жизни переимчивость

⁶⁴ Тютчев Ф. И. Лирика: в 2 т. Т. 1. М., 1965. С. 116–117.

⁶⁵ Мамин-Сибиряк Д. Н. Наполеон. Рассказ // Юная Россия. 1907. Июль. С. 789. Далее все цитаты из этого произведения приводятся с указанием соответствующей страницы в тексте.

некоторых русских черт даже на уровне суеверий и предрассудков (например, рыболовных и охотничьих примет). Показательна в этом плане сцена с курной избушкой, от которой поначалу немец жестко отказывался («Я честный баварец и не желаю быть свиньей...»), но потом, наученный горьким опытом, даже полюбил в ней спать. «Погоди, хитрый немец, на сердитых-то воду возят» (с. 803) – это предупреждение его друга Шкарина, опирающегося на вековой опыт русского народа, в конце концов оправдывается и в отношении хитроумно-незадачливого немца.

Второй герой рассказа – Иван Иванович Шкарин – русский мещанин, типичный провинциал и, в отличие от своего немецкого друга, не женатый. «Он все на свете знает» (с. 792); не случайно у него «любопытные серые глаза» и он первым делает визит к Наполеону, добывая достоверную информацию о таинственном французе. Однако в его биографии есть тоже загадочные лакуны, поэтому-то он и аттестуется как «известный-неизвестный Иван Иваныч». Но по русской привычке герой душевно открыт навстречу другим, способен заводить дружбу и поддерживать с собеседником оживленный разговор. В этом плане показательна реакция на появление непрошеного гостя в Курье (как оказывается, Наполеона) со стороны русского Ивана Ивановича и его немецкого друга: «Гостя Бог послал...» – «А мы ему сделаем “хапен гевезен”...» (с. 798).

Еще одна отличительная черта Шкарина – привычка «употреблять иностранные слова, смысла которых он не понимал, а повторял, как попугай» (с. 796). Но за этой привычкой, пусть и выраженной в столь неловкой форме, не просматривается ли известная национальная черта – способность русского человека к «всемирной отзывчивости»?

Некоторая неукорененность в бытии – еще одна типично национальная черта Шкарина, который, по аттестации автора-повествователя, был «один из тех удивительных русских людей, которые не знают, чем и как и для чего они существуют на белом свете» (с. 794). Отсюда, может быть, некоторая разбросанность и неумность жизненной энергии героя, особенно выделяющиеся на фоне деловой сконцентрированности и погруженности в устоявшийся семейный быт немца Карла Федоровича. Наконец, пожалуй, решающее этноконфессиональное отличие – религиозный настрой Шкарина, особенно заметный в следующем эпизоде: «По речной затихшей глади медленно и торжественно плыли, густой волной, перекаты городских колоколов, точно перекликавшихся между собой: “Господи, помилуй...”» – шептал Шкарин и крепился» (с. 802).

С указанной чертой, наиболее присущей именно русскому персонажу, согласуется и позиция автора-повествователя. В его дискурсе особую значимость приобретает типичный ландшафт провинциального русского города, расположенного по реке и изобилующего церковными постройками. Панорамный вид, или перспектива сверху, с обязательным высвечиванием культовых сооружений – излюбленная точка зрения маминского повествователя, специфическая черта изображаемого им ландшафта: «С середины реки открывался чудный вид на весь город, красиво раскинувшийся по левому крутому берегу. Белели монастырские стены, веселыми огоньками вспыхивали золоченые кресты церквей...» (с. 797); «С реки уже потянуло холодом, по низким береговым местам ползал волокнистый туман. Освещенным оставался только противоположный крутой берег, на котором ярко блестели золотые маковки городских церквей» (с. 802).

Именно точка зрения русского человека, ментальность русского народа, его духовно-нравственный настрой торжествуют в смысловой структуре маминского рассказа, высвечивая сквозь анекдотическую природу повествования закономерно притчевые черты. Не случайно в качестве неотложного средства лечения страдающего простудой героя-француза вместо коньяка (уж не коньяк ли «Наполеон»?⁶⁶) предлагаются «русские капли»: «Карл Федорыч

⁶⁶ Отправляясь в Курью на рыбную ловлю, француз берет с собой бутылку коньяка как средство лечения от простуды,

умел быть гостеприимным, а Наполеон не умел пить русской водки. Он с трудом выпил свою рюмку и закашлялся» (с. 808).

Третий герой – французского происхождения «какой-то черномазый человек, с козлиной бородкой, в золотых очках», собственно и давший имя рассказу, – лицо загадочное. Первое появление его в сюжете уже примечательно. После того, как герой-француз вежливо раскланялся с Карлом Федоровичем, он посылает ему к тому же воздушный поцелуй. Для представителя «зефирной» нации такое поведение, пожалуй, вполне объяснимо, но немец Штурм, по понятным причинам, принимает такую фамильярность со стороны француза за дерзостную выходку. Реакция его супруги еще более характерна: «Амалия Карловна без очков прочитала надпись (вывеску с крупными золотыми буквами «Наполеон». – О. З.) и в ужасе прошептала...»; «...Амалия Карловна в ужасе всплеснула своими полными ручками» (с. 791); «Добрая старушка еще более удивилась, когда узнала о неожиданной встрече с таинственным Наполеоном, и даже всплеснула руками от ужаса, что он выдает себя за самого потомка герцога Рейхштадского» (с. 806). Реакция доходит до гиперболизированного и гротескового выражения: «Карл, он [француз-сосед] нас непременно однажды убьет!..» (с. 791). С именем Наполеона у супруги баварского немца после долгого размышления связывается лишь одна ассоциация, что «Наполеон был злой человек и всю жизнь делал что-то очень скверное» (с. 792). Реакция самого Карла Федоровича заставляет припомнить чисто гоголевский контекст: «Проклятый Наполеон не выходил из головы...» (с. 792); «Знаем мы таких Наполеонов... Или с каторги убежал, или делает фальшивую монету» (с. 793). По своему профессиональному статусу новый сосед-француз – часовщик, что подчеркивают и золотые часы на его вывеске. Но у вестфальского немца на сей счет возникает вполне обоснованная догадка: «Может, он и зубы вставляет?». Более того, уж не еврей ли он? Данное предположение рассеивает Иван Иваныч, заявляя, что сосед-ремесленник – «француз из Виленской губернии».

Второе появление француза – в Курье, во время рыбной ловли – представляется столь же неожиданным и загадочным. Аттестация героя «чертом», «фруктом», а также «фунтом» (возможно, из расхожего выражения «фунт лиха») далеко не случайна и выдает некие инфернальные коннотации в самом имени и образе Наполеона. Но о каком Наполеоне вообще может идти речь, если принять во внимание время действия рассказа?

Во-первых, следует отметить сниженное обывательное изображение образа Наполеона, его комическую заземленность (речь героя в пересказе Шкарина): «У нас (т. е. в Виленской губернии. – О. З.), говорит, Наполеонов сколько угодно... Совсем, говорит, еще маленький, только что еще начинает ползать по полу, а уже Наполеон» (с. 793). Отметим также практически сливающуюся с опытным охотничьим глазомером Шкарина иронию автора-повествователя по поводу упрямого и «неблагодарного» Наполеона, побрезговавшего курной избой и проведенного ночь под открытым небом, у огня: «Наполеон дрожал от холода и весь посинел. Одним словом, совсем околевала упрямая французская душа» (с. 804). Добродушная шутка Шкарина, обратившегося к французу как к «господину французскому императору Наполеону IV» с просьбой согреться коньяком, вызывает последнего на решающее откровенное признание: «Я и есть Наполеон IV... да... Я есть незаконный сын французского герцога Рейхштадского... да... Я должен скрываться от французского правительства, которое давно меня разыскивает...» (с. 806). Данное признание молодого француза становится для присутствующих Шкарина и Штурма последним аргументом в пользу сумасшествия героя: «– Весьма один сумасшедший. Для пущей убедительности Карл Федорыч повертел пальцем у своего лба» (с. 806). Более того, склонный к математическим расчетам Карл Федорович, учившийся когда-то истории в школе, сразу же «припомнил, что если бы у герцога Рейхштадского и был действительно сын, то ему теперь

любезно предлагая коньяк своим попутчикам. Вполне вероятно, что Мамин-Сибиряк обыгрывает здесь марку самого лучшего и дорогого коньяка Франции, известную еще с 1811 г. под именем «Наполеон» (данная марка означает, что коньяк провел в дубовой бочке не менее 6 лет).

было бы семьдесят лет» (с. 806) Таким образом, наполеонический комплекс, который примеривает на себя герой, на самом деле оказывается лишь клиническим случаем, диагностируемой формой тихого помешательства.

Образ Наполеона в своей мании величия на самом деле вызывает лишь чувство жалости. Не случайно в нем акцентируются именно детские черты: «Когда Наполеон чего-нибудь не мог понять, он удивлялся, как ребенок, которому показывают новую игрушку» (с. 802). Детская беззащитность, легкая ранимость и хроническая болезненность героя идут в сопровождении мотива жалости и доброжелательного к нему отношения: «Наполеон молчал и только как-то жалко моргал глазами. Карлу Федорычу опять сделалось его жаль» (с. 805); «Доброй Амалии Карловне почему-то казалось, что это самый несчастный человек. Мысль о бедных и несчастных людях неотступно преследовала Амалию Карловну...» (с. 807); «Добрый старик [Карл Федорович] торжествующими глазами смотрел на гостя [Наполеона] и улыбался» (с. 808). Наконец, совершенно показательна фраза Карла Федоровича, столь необычно звучащая в устах баварского немца и окончательно (именно на русский манер!) реабилитирующая сумасшедшего француза: «Хоть и Наполеон, а, все-таки, сосед...» (с. 807).

Знаково-символическим оформлением наполеонического комплекса героя в рассказе становится внутреннее убранство его комнаты: «большой портрет Наполеона, висевший на стене, и бронзовая статуэтка его же, занимавшая видное место на письменном столе» (812)⁶⁷. Обыгрывание данного интерьера (естественно, в снижено-бытовом варианте) приводит к заключительному обмену репликами героев – немца и француза: «Гости посидели и начали прощаться. Карл Федорыч знаком руки попросил Шкарина выйти в другую комнату, взял больного за руку и проговорил: “Так ты действительно Наполеон?” – “О, да... От вас я ничего не желаю скрывать... Да вот посмотрите на портрет моего деда и на его статуэтку... Я могу их предъявлять вместо паспорта...” – “Пока до свидания, Наполеон...”» (с. 813).

По ходу развертывания фабульного повествования (даже после исторической справки о герцоге Рейхштадском) все равно периодически всплывает фантазмагорическая природа французского Наполеона. И в финальных сценах рассказа подвыпивший Карл Федорович продолжает настаивать на том, что Наполеон – «это фальшивый монетчик» или «один контрабандист» (с. 810, 811). По словам автора-повествователя, Карл Федорович «даже всю ночь видел Наполеона. И, – что было всего обиднее, – он, честный баварец, помогал Наполеону надевать царскую мантию, подбитую белым горностаем, подавал ему императорскую корону и кричал: *Vive l'empereur!*» (с. 811). Гротесковый сон, увиденный честным баварским немцем, фиксирует исходную идею, мотивирующую манию величия героя-француза. Отметим, что в указанном сне речь идет конечно же об исторически реальном Наполеоне Бонапарте, отце французской нации и, следовательно, дедушке больного героя, страдающего манией величия. В финале рассказа данный сон получает символически-бытовое соответствие. Недаром о сумасшедшем французе-соседе по прозвищу Наполеон в дискурсе автора-повествователя говорится: «Большой вышел, завернувшись в свое красное байковое одеяло, и еще раз поздоровался с гостями, причем Карл Федорыч заметил, что рука у него была горячая» (с. 813). Не выступает ли красное байковое одеяло в данной сцене своего рода заземленным вариантом царской мантии из красного бархата, подбитого белым горностаем?

Эпилог рассказа, графически отделенный от основной части (разговор приглашенного доктора Бухвостова и Карла Карловича) все ставит на свои места. Из него мы окончательно убеждаемся и так, казалось бы, в очевидном факте. Безапелляционно-иронические слова док-

⁶⁷ Указанная бытовая деталь интерьера заставляет вспомнить описание кабинета Онегина в одноименном романе Пушкина: «... И столбик с куклой чугунной / Под шляпой с пасмурным челом, / С руками, сжатыми крестом» (*Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 5. С. 128*).

тора не оставляют ни малейшей надежды на выздоровление героя: «Действительно, настоящий Наполеон...

В нынешнем году уже третий Наполеон. Раньше были Бисмарки и Осман-Паши, а нынче урожай на Наполеонов. <...> Никакой надежды... Это самая опасная форма тихого помешательства» (с. 813). Как известно, от великого до смешного всего один шаг⁶⁸. Возвышенное граничит со смешным. Нечто подобное происходит и с наполеоническим комплексом. Так, например, высокие наполеоновские одежды, которые некогда примеривали на себя романтические герои-сверхчеловеки, в конце концов (о чем свидетельствуют уже герои Гоголя) переходят в сферу употребления простых, подчас даже «маленьких» людей, получая при этом сниженно-бытовое заземление в форме незатейливой авантюры или «тихого помешательства». Рассмотренный нами рассказ Мамина-Сибиряка с характерным названием «Наполеон» является тому прямым подтверждением.

©©Зырянов О. В., 2013

⁶⁸ Кстати, данное изречение нередко приписывают Наполеону, который, согласно преданию, повторял его во время своего отступления из России в декабре 1812 г.

Миф о Наполеоне-Антихристе в поэтической рецепции Г. Р. Державина

Д. В. Ларкович

Сообщается об истоках возникновения и формах бытования антинаполеоновского мифа в русской культуре начала XIX в. Особое внимание уделено динамике его семантических трансформаций в поэтическом наследии Г. Р. Державина, который соотносил свою авторскую стратегию с задачами патриотического воспитания нации.

Ключевые слова: Г. Р. Державин; русская культура; Наполеон; мифопоэтика; эсхатология.

Миф о Наполеоне-Антихристе в русском общественном сознании активно формировался в первое десятилетие XIX в., когда Россия в составе антинаполеоновской коалиции вела активные военные действия на территории ряда европейских государств. Следует заметить, что в целом на рубеже веков наполеоновская мифология имела бинарную природу: в одном лице, говоря словами Л. И. Вольперт, предстали две противоположных ипостаси – «герой-спаситель, несущий перемены, свет и свободу, своеобразный Прометей, и герой-губитель, тиран и деспот, который “приходит извне как губительное наваждение”». Первая линия ведет к созданию наполеоновского апологетического мифа, вторая – антибонапартистского»⁶⁹.

Возникновению мифа о Наполеоне-Антихристе, как известно, предшествовали откровенно апологетические, пронаполеоновские настроения, нашедшие отражение в мемуарной и публицистической литературе рубежа веков и образно запечатленные в романе Л. Н. Толстого «Война и мир». По мере приближения наполеоновской армии к границам Российской империи эти настроения постепенно утрачивали свою остроту, пока окончательно не уступили место массовой наполеонофобии. Как известно, актуализации данного мифа во многом способствовало опубликованное 13 декабря 1806 г. Объявление Святейшего правительствующего синода, предписывающее всем служителям церкви всемерно разъяснить прихожанам истинный смысл происходящих в Европе событий и их последствий в канун возможного наполеоновского вторжения в Россию. В этом документе, в частности, сообщалось:

Всему миру известны богопротивные его [Наполеона] замыслы и деяния, коими он попирает законы и правду. Еще во времена народного возмущения, свирепствовавшего во Франции во время богопротивной революции, бедственной для человечества и навлекшей небесное проклятие на виновников ее, отложился он от христианской веры, на сходбищах народных торжествовал учрежденные лжеумствующими богоотступниками идолопоклоннические празднества и в сонме нечестивых сообщников своих воздавал поклонение, единому Всевышнему Божеству подобающее, истуканам, человеческим тварям и блудницам, идольским изображениям для них служившим. <...> Наконец, к вящему посрамлению оной, созвал во Франции иудейские синагоги, повелел явно воздавать раввинам их почести и установил новый великий сангедрин еврейский, сей самый богопротивный собор, который некогда дерзнул осудить на распятие Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа и теперь помышляет соединить иудеев, гневом Божиим рассыпанных по всему лицу земли, и устроить их на испровержение Церкви Христовой и (о, дерзость ужасная, превосходящая меру всех

⁶⁹ Вольперт Л. И. Пушкинская Франция. Тарту, 2010. С. 345.

злодеяний!) на провозглашение лжемессии (выделено нами. – Д. Л.) в лице Наполеона⁷⁰.

Как видно из приведенного отрывка, Бонапарт представлен здесь как враг всего христианского мира, действия которого сопровождаются комплексом признаков, традиционно связанных с пришествием Антихриста (войны и мятежи, разврат, идолопоклонство, распространение лжеучений, гонение истинных христиан и др.), что должно было вызывать у читателя устойчивые ассоциации с соответствующими выдержками из Откровения Иоанна Богослова.

После заключения Тильзитского мирного договора в июне 1807 г. этот документ оказался двусмысленным и утратил свой официальный директивный статус, однако сама идея inferнальной природы одиозного французского императора сохранила свою остроту в представлении значительной части русского общества. Большой популярностью, в частности, эта идея пользовалась в среде старообрядцев⁷¹. Однако и образованная публика, вопреки официальным установкам царской внешней политики, не отказалась от данной идеологической схемы. Как замечает И. В. Амбарцумов, «Тильзитский мир не уменьшил неприязнь элиты русского дворянства к Наполеону, а наоборот, усилил ее. Этот мир, заключенный вскоре после поражения русских войск в битве при Фридланде, был воспринят большинством образованных современников как “постыдный”»⁷². Скандальный интерес к личности Наполеона подогревали посвященные его личности периодически появляющиеся публикации, преимущественно переводного характера⁷³. Определенную роль в популяризации антинаполеоновских настроений сыграл и журнал С. Н. Глинки «Русский вестник», начавший издаваться с 1808 г.

По мере усложнения отношений между Россией и Францией апокалиптический ореол Наполеона в отечественной публицистике становился все более отчетливым. По мнению М. Г. Лобачковой, «эсхатологическое направление наполеоновского мифа в России имело несколько специфических черт и характеристик. Слияние образов Наполеона и Антихриста сопровождалось необычайным подъемом патриотизма и чувства национальной гордости. Для российской публицистики этого периода характерны не только призывы к активной борьбе против французского императора и его армии, но и крайне сатирический, уничижительный тон в изображении его личности и политики»⁷⁴. Данная тенденция достигла своего апогея в 1812 г., когда французские войска вторглись в пределы Российской империи и появилось второе Воззвание Святейшего синода. В этом отношении весьма показательно сочинение профессора Дерптского университета Вильгельма Гецеля, который путем сложных каббалистических подсчетов обнаружил в имени императора Наполеона (*L'empereur Napoleon*) число 666 – число зверя из Апокалипсиса⁷⁵.

Формированию мифа о Наполеоне-антихристе во многом способствовала и художественная литература, в особенности поэзия. На волне всеобщего патриотического воодушевления

⁷⁰ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 29: с 1806 по 1807 г. С. 928–929.

⁷¹ См.: Сазонова Л. И. Сказание о Наполеоне-антихристе: старообрядческий вариант антинаполеоновского мифа // Славяноведение. 2012. № 2. С. 42–61.

⁷² Амбарцумов И. В. Образ Наполеона I в русской официальной пропаганде, публицистике и общественном сознании первой четверти XIX в. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Ambartsumov/part03.html> (дата обращения: 14.03. 2013).

⁷³ См., например: Тайная история новаго французскаго двора и любопытные анекдоты, относящиеся до Сент-Клудскаго кабинета а Париже: пер. с фр. Ч. 1–3. СПб., 1807; Французы в Вене, или Описание всех происшествий и поступков Бонапарте и войска его в Австрии, их там преступлений, опустошений, обманов и грабительств, начавшихся с самого их вступления в Вену. СПб., 1807; и др.

⁷⁴ Лобачкова М. Г. Образ Наполеона Бонапарта в русской публицистике, 1799– 1815 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2007. С. 20.

⁷⁵ Текст письма В. Гецеля военному министру М. Б. Барклаю де Толли от 12 июня 1812 г., содержащего вычисленный им нумерологический код имени Наполеона, см.: Чимаров С. Ю. Русская православная церковь в войне 1812 года. СПб., 2004. С. 80–81.

голоса поэтов зазвучали в унисон с основными положениями официальной государственной идеологии и слились в единый хор общенационального пафоса. Как отмечает О. С. Муравьева, «именно это стихийное и властное чувство единства диктовало одни и те же слова публицистам, политическим обозревателям, беспомощным поэтическим дилетантам и лучшим поэтам эпохи»⁷⁶. Мотив inferнальной природы наполеоновского вторжения, вызванный оскорбленными патриотическими чувствами, становится сквозным в русской поэзии 1810-х гг. Он отчетливо фигурирует в таких стихотворениях, как «К отечеству» Александра Фед. Воейкова (1810), «К патриотам» Мих. Вас. Милонова (1812), «Пожар Москвы 1812 году» Н. М. Шатрова (1813–1814), «Освобождение Европы и слава Александра I» Н. М. Карамзина (1814), «Воспоминания о Царском Селе» А. С. Пушкина (1814) и мн. др. Однако еще задолго до событий наполеоновского вторжения в Россию он возникает и постепенно набирает свою значимость в поэтической системе Г. Р. Державина.

Одна из первых державинских лирических рефлексий на личность Наполеона относится еще к 1794 г. Так, в 4-й строфе стихотворения «Мой истукан» автор рисует образ воинственного злодея, дерзко попирающего этические нормы для достижения своих амбициозных замыслов и претендующего на безграничное властное господство:

Злодей, который самолюбью
И тайной гордости своей
Всем жертвует, – его орудью
Преграды нет, алчбе – цепей:
Внутри совестью своей размучен,
Вне с радостью губит других;
Пусть дерзостью, удачей звучен,
Но не велик в глазах моих.
Хотя бы богом был он злобным,
Быть не хочу ему подобным⁷⁷.

Несмотря на то, что имя удачливого французского генерала в стихотворении не упоминается, современники ассоциировали образ адресата данной державинской инвективы именно с личностью Наполеона как предводителя республиканских войск⁷⁸.

Очередной этап актуализации образа Наполеона был обусловлен событиями, связанными с вторжением в 1798 г. французской армии в Италию и на Мальту, и участием в этих событиях в составе антифранцузской коалиции русской армии под командованием А. В. Суворова. В частности, в стихотворении «На новый 1798 год» портрет «гальского витязя» уточняется такими оценочными характеристиками, как вероломное коварство и безграничная гордыня, которые, по воле Божественного Промысла, после стремительного взлета неизбежно приведут его к падению.

Еще более определенно эта мысль звучит в стихотворении «На Мальтийский орден», где образ Наполеона, поименованный «Денницей», помещается в библейский контекст и экстраполируется на известный сюжет из книги пророка Исаии (Ис. 14: 12–17) о вознесении и низвержении царя вавилонского, возжелавшего сравняться со Всевышним:

Денницу зрели: мудр и славен,

⁷⁶ Муравьева О. С. Пушкин и Наполеон: (пушкинский вариант «наполеоновской легенды») // Пушкин: исследования и материалы: в 15 т. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Т. 14. Л., 1991. С. 8.

⁷⁷ Державин Г. Р. Сочинения / с объяснит. примеч. Я. Грота: в 9 т. Т. 1. СПб., 1864–1883. С. 610–611.

⁷⁸ По справке Я. К. Грота, данная строфа была приведена автором изданного в Петербурге в 1807 г. перевода французской брошюры «Предупреждение к тайной истории нового французского двора» для характеристики Наполеона (Там же. С. 610).

В сиянии возносился он,
Рек: «Вышнему я буду равен,
На западе воздвигну трон». –
Но гибельны пути лукавы <...>.
И грозны громы Михаила
Стремглав коварство свергли в ад⁷⁹.

В державинских стихотворениях этого периода Наполеон предстает как прямой наследник французской революции, в результате которой «законы царств, обряды веры, / Святыня – почтены в химеры; / Попран Христос и скиптр царей; / Европа вся полна разбоев, / Цареубийц святят в героев»⁸⁰. Все это воспринимается как недвусмысленное свидетельство пришествия Антихриста и его кратковременного торжества.

Предсказание наполеоновского падения – один из центральных мотивов державинских стихотворений 1800-х гг., приуроченных к военному противостоянию России и Франции. Даже отойдя от официальной государственной деятельности, Державин испытывает острое чувство личной ответственности за судьбу России и активно включается в процесс ее защиты от внешнего врага. Поэт внимательно следит за новостями в отечественной и зарубежной периодике, касающимися победоносного шествия наполеоновской армии на европейском театре военных действий и собирает различные сведения о личности самого Бонапарта⁸¹. В 1806–1807 гг., когда французская армия вошла в Пруссию, Державин имел личные встречи с императором Александром I, чтобы высказать свои соображения об экстренных мерах по предотвращению наполеоновского вторжения в Россию⁸², и по собственной инициативе составил две развернутые записки, в которых изложил свои взгляды о реорганизации русской армии в условиях внутренней войны («Мнение о обороне империи на случай покушений Бонапарта» и «Мечты о хозяйственном устройстве военных сил Российской империи»). Как отмечает М. Г. Альтшуллер, «поражение России, Тильзитский мир огорчили старого вельможу. Он не мог примириться с позором, не мог видеть в Наполеоне истинного союзника»⁸³, а потому предвидел дальнейшее драматическое развитие событий. И когда в июне 1812 г. наполеоновские войска пересекли границу Российской империи, Державин подготовил и представил на высочайшее имя еще один важный документ – «Записку о мерах к обороне России во время нашествия французов», но, по его собственным словам, «ни от Императора и ни от кого не имел никакого известия, и дошла ли та бумага до рук Его Величества, не получил ни от кого никакого сведения»⁸⁴.

Убеждаясь в том, что опыт его государственной деятельности оказался не востребован властью, Державин обратился к проверенному средству выражения своих гражданских взглядов – поэтическому творчеству. Державинская поэзия второй половины 1800-х гг. приобретает откровенно агитационный характер. Все сколько-нибудь значимые события русско-французского военного противостояния вызывают стремительный отклик со стороны пожилого поэта и незамедлительно появляются в печати⁸⁵. Для этих стихотворений характерны риторические

⁷⁹ Державин Г. Р. Указ. соч. Т. 1. С. 223–224.

⁸⁰ Там же. С. 217.

⁸¹ В личном архиве поэта имеется обширная подборка переводов из различных иностранных книг и журналов под заглавием «Сведения о Бонапарте» (см.: ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 14. № 85. 22 л.).

⁸² См.: Державин Г. Р. Сочинения. Т. 6. С. 828.

⁸³ Альтшуллер М. Г. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. 2-е изд., доп. М., 2007. С. 69.

⁸⁴ Державин Г. Р. Сочинения. Т. 6. С. 829.

⁸⁵ См., например: Поход Озирида // Любитель словесности. 1806. № 1. С. 6; Глас Санктпетербургского общества по случаю высочайшего благоволения, объявленного ему главнокомандующим ноября 29 дня. СПб., [1805]; Персей и Андромеда: кантата на победу французов русскими. СПб., 1805; На выступление корпуса гвардии в поход против французов, февраля 13, 14, 15 и 16 числ 1807 года. СПб., 1807; и др.

интонации, предельная поляризация оценочных определений и прозрачный аллегоризм. Здесь нет места «забавному русскому слогу», ибо перед нами не лирика, а политическая агитка. Главная цель, которую преследует автор, – возбудить у читателей патриотический дух и высокие гражданские чувства в преддверии жестоких военных испытаний, и для достижения этой цели поэт готов вступить в противоречие с конкретными фактами исторической объективности. Так, характеризуя державинскую оду «На мир 1807 года», написанную по поводу заключения унижительного Тильзитского мирного договора, М. Г. Альтшуллер уточняет: «Вопреки горькой истине Державин изображал французского императора не победителем, заключившим выгодный и почетный мир, а смиренным противником, вынужденным идти на уступки»⁸⁶.

Сам образ Наполеона в стихотворениях этого периода становится откровенным средоточием inferнальных сил, а мысль о неизбежной победе над его войском как результате Высшего возмездия приобретает характер лейтмотивной идеологемы. Мифориторические персонификации образа Наполеона многообразны и многочисленны и восходят преимущественно к тексту Откровения Иоанна Богослова или других библейских текстов: «Аввадон», «зверь», «дракон», «демон змеевидный», «князь тьмы», «змей», «князь бездны», «второй Навуходоносор», «Антихрист», «седьмглавый Люцифер», «таинственный чисел зверь» и др. В апокалиптическом контексте очерчен и образ Парижа – «нового Вавилона»⁸⁷, города – «великой блудницы» (Откр. 18: 2), чье падение предстает как следствие разврата, гордыни и безбожия. В стиле же апокалиптической масштабности аллегорически предстает образ наполеоновского воинства:

Вокруг его ехидны
Со крыльев смерть и смрад трясут,
Рогами солнце прут;
Отенетя вкруг всю ошимами сферу,
Горящу в воздух прыщут серу,
Холмят дыханьем понт,
Льют ночь на горизонт
И движут ось всея вселенны⁸⁸.

Одной из наиболее устойчивых и частотных предстает его «змеевидная» ипостась «Саламандра». Именуя Наполеона в целом ряде стихотворных сочинений («На отправление в армию фельдмаршала гр. Каменского», «Персей и Андромеда», «На выступление корпуса гвардии в поход», «Атаману и войску Донскому» и др.) «адским Саламандром», Державин непосредственно отождествляет его с дьяволом и наделяет соответствующими функциями (смерть, убийство, разрушение), поэтический призыв к борьбе с которым приобретает характер религиозно-патриотической проповеди:

Иди! иди! предходит Бог
Перед хоругвью Александра,
И пламень жруща Саламандра
Он в прах твоих повергнет ног⁸⁹.

⁸⁶ Альтшуллер М. Г. Беседа любителей русского слова. С. 69.

⁸⁷ Державин Г. Р. Сочинения. Т. 3. С. 153.

⁸⁸ Там же. С. 139.

⁸⁹ Державин Г. Р. Сочинения. Т. 2. С. 609.

Любопытно в этой связи то, как в стихотворении «На отправление в армию фельдмаршала гр. Каменского» (1806) Державин обыгрывает фамилию русского полководца, ситуативно насыщая ее змееборческой семантикой. Так, согласно средневековым представлениям, саламандра есть огнедышащее драконоподобное существо, являющееся субстанцией огня. Благоговая «избранного в герои» Каменского на брань с «огненным змеем», лирический субъект резюмирует:

Так: вышней силой я держусь;
Ты – *именем и духом камень*,
Холодностью угасишь пламень;
Сразись! – и я не постыжусь⁹⁰.

Апогеем развития библейской аллюзивности в поэзии Державина следует признать «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества» (1812). Стихотворение предельно насыщено библейскими цитатами и реминисценциями из 1-й и 2-й Книг Соломоновых, Книги пророка Даниила, Книги пророка Иезекииля, Псалтыри, а его сюжетное построение очевидно проецируется на текст Откровения Иоанна Богослова. Сама структура державинского «Гимна» ориентирована на жанровую модель библейского пророческого видения, в котором факт вторжения наполеоновских войск в Россию сознательно и целенаправленно соотнесен с событиями Апокалипсиса.

Стихотворение открывают молитвенное воззвание к Всевышнему и указание на пророческие полномочия, которыми наделен автор:

Пой! – мир гласит мне горний, дольний, —
И оправдай судьбы Господни⁹¹.

Ощущение эсхатологической реальности происходящего постоянно акцентируется Державиным библейскими реминисценциями как в самом тексте «Гимна», так и в авторском комментарии к нему. Так, согласно державинскому поэтическому пророчеству:

– предначертанным оказывается срок наполеоновского нашествия, что само по себе указывает на дьявольскую сущность Наполеона («Открылась тайн священных дверь! / Исшел из бездн огромный зверь»⁹² (ср.: Откр. 11: 7; 13: 1);

– масштаб деяний наполеоновского войска столь же катастрофичен, что и разрушительные потрясения, наступившие на земле после трубного гласа семи ангелов («Его летящи легионы / Затмили свет...», «Кровавы вслед моря струились / И заревы по небу рдидись...»⁹³, и др. (ср.: Откр. 8: 7–19: 21);

– на Наполеона, который, подобно библейскому Гогу, возгордился своим могуществом и претендовал на мировое господство, обрушились чаши Господнего гнева («Молебных капля слез, / Упадши в чашу правосудья, / Всей стратегистики орудья, / Как прах взметнула до небес...»⁹⁴ (ср.: Откр. 16: 1–21);

⁹⁰ Там же. С. 609.

⁹¹ Там же. Т. 3. С. 138.

⁹² Там же. С. 138.

⁹³ Там же. С. 141.

⁹⁴ Там же. С. 142–143.

– бегство Наполеона из России сопровождается справедливым ропотом душ погибших русских праведников («Он видит теней пред очами / Святых и наших праотцев...»⁹⁵ (ср.: Откр. 6: 9–10);

– окончательную победу над Наполеоном осуществил полководец по имени Михаил (М. И. Кутузов), подобно тезоименитому архангелу, заковавшему Сатану и на тысячу лет низвергнувшего его в преисподнюю («Упала демонская сила / Рукой избрана князя Михаила...»⁹⁶ (ср.: Откр. 20: 1–3).

– наконец, дьявольское число 666 содержится в самом имени Наполеона, о чем Державин сообщает в комментарии со ссылкой на вышеупомянутое письмо профессора И. Гецеля к командующему М. Б. Барклаю де Толли⁹⁷ (ср.: Откр. 13: 18), и меткой, содержащей это число, он клеймит своих сторонников, а нежелающих ее принять добровольно – уничтожает («...зрит себя вокруг / Он тысячи невинных вдруг, / Замученных и убиенных, / Им не запечатленных»⁹⁸ (ср.: Откр. 13: 15–17).

Образ Наполеона складывается здесь из целой совокупности инфернальных обличей, среди которых наиболее выразителен его змееморфный вариант. Поэтому, следуя сюжетной логике Откровения Иоанна Богослова, вторжение наполеоновского войска в Россию Державин отождествляет с восстанием из преисподней «дракона иль демона змеевидного» с последующим его низвержением «кротким Агнцем», персональным воплощением которого в «Гимне» выступает император Александр I:

Бегут все смертные смятенны
От князя тьмы и крокодильных стад.
Они режут, свистят и всех страшат;
А только агнец белорунный,
Смиранный, кроткий, но челоперунный,
Восстал на Севере один, –
Исчез змей-исполин!⁹⁹

Именно благодаря последовательной и многоступенчатой системе апокалиптических реминисценций центральное событие «Гимна» – прогнание французов из Отечества – перерастает в предельно масштабную поэтическую картину, отражающую полную и окончательную победу Божественного Промысла над абсолютным злом и знаменующую грядущее обновление всего мира.

©©Ларкович Д. В., 2013

⁹⁵ Там же. С. 147.

⁹⁶ Там же. С. 152.

⁹⁷ Державин Г. Р. Сочинения. Т. 3. С. 151.

⁹⁸ Там же. С. 148.

⁹⁹ Там же. С. 139.

Образ Наполеона Бонапарта в британской и американской историографической традиции XIX в

Е. В. Путилова

Анализируется формирование образа Наполеона Бонапарта в британской и американской историографических традициях в XIX в. Автор подчеркивает, что если для англичан Бонапарт весь этот период оставался «злым гением» эпохи, антагонистом, символом хаоса революции и войны, то американцы предпочитали уподоблять «деспота» античному герою и «богу Олимпа», снисходительно относясь к его слабостям и недостаткам и признавая в нем прежде всего величайшего полководца и административного деятеля.

Ключевые слова: Наполеон Бонапарт; Наполеоновские войны; британская и американская историографические традиции; Вальтер Скотт.

В свое время британский историк Томас Карлейль провозгласил, что всемирная история «есть история великих людей». До известной степени это утверждение можно оспорить. Однако нельзя отрицать того факта, что специфика человеческой памяти предполагает скорее лучшее запоминание образов исторических личностей, нежели дат и названий мест тех или иных событий, вошедших в анналы истории. И в особенности это правило действует для переломных эпох, когда те или иные вещи заставляют человечество свернуть с проторенного пути, найти иной вектор исторического развития.

Одной из таких эпох можно считать период конца XVIII – начала и первых десятилетий XIX в., время, богатое на события, когда произошло кардинальное смещение геополитических и социальных направленностей развития Европы. И в сознании миллионов людей эта эпоха неразрывно и естественно связана с именем Наполеона Бонапарта.

Поэтому неудивительно, что в течение вот уже более двухсот лет образ этого государственного и военного деятеля вызывает неподдельный интерес у многочисленных исследователей. И если можно с уверенностью сказать, что каждая страна – участница масштабного конфликта в Европе начала XIX в. имеет свой национальный историографический пласт, посвященный истории Наполеоновских войн, то несомненно и то, что трактовка образа Наполеона Бонапарта занимает далеко не последнее место внутри этого историописательного конструкта.

Однако на фоне множества историографических традиций особенно выделяется англосаксонская, прежде всего тем, что на данный момент она представляет собой симбиоз двух историографий – британской и американской, каждая из которых обладает собственной спецификой, обусловленной изначально различным национальным восприятием эпохи Наполеоновских войн.

Так, для англичан данный период – важнейшая часть их исторической памяти и исторического сознания, сформировавшаяся под давлением факта упорной борьбы Великобритании против бонапартистской Франции в начале XIX в.

Американцы же, в отличие от британцев, в Наполеоновских войнах были скорее наблюдателями в силу своей отдаленности от Европы. Подобный фактор автоматически исключал США из числа непосредственных и активных участников континентальной войны, делал ее периферией, удаленной от театра военных действий. Однако и США в конечном счете не остались в стороне от европейского конфликта, отголоском которого стала англо-американская война 1812 г.

И если в XXI в. для англосаксонской традиции характерен некий цельный, монолитный, во многом выводимый за грани категорий добра и зла образ Наполеона Бонапарта, то в пределах XIX в. этот же образ по-разному воплощается в рамках только начавших формироваться

национальных традиций с различным историко-ситуационным фундаментом. Далее мы более подробно рассмотрим этот феномен на примере исторических трудов британских и американских исследователей.

Основоположником британской традиции изучения Наполеоновских войн стал сэр В. Скотт, автор девятитомника «Жизнь Наполеона Бонапарта»¹⁰⁰, вышедшего в 1827 г. и впоследствии неоднократно переиздававшегося. К работе исследователя Скотт отнесся добросовестно, дополнив свой труд сведениями, полученными не только через переписку с военными и политическими деятелями того времени, но и благодаря научной командировке в Лондон в октябре 1826 г., где правительство предоставило ему свободный доступ к архивам, относящимся к событиям пребывания Наполеона на острове Святой Елены. Кроме того, в том же месяце он предпринял еще и поездку в Париж, чтобы непосредственно побеседовать с бывшими «коллегами», политическими противниками и родственниками Бонапарта. Стоит отметить, что среди влиятельных корреспондентов В. Скотта были представители английского и французского правительств, а сведения и материалы о русской кампании 1812 г. были переданы ему герцогом Веллингтоном¹⁰¹.

В течение всего повествования Скотт старается выдерживать беспристрастный и объективный тон, отдавая дань уважения Бонапарту как военному гению и талантливому администратору, чьим наследием во Франции стала эффективная национальная система образования, значительное улучшение коммуникаций и дорог, а также гражданский кодекс. Скотт отказывается от идеи изображения Наполеона кровавым деспотом, каковым он представал в парламентских речах многих тори, отмечает его щедрость и гуманность даже по отношению к своим противникам, его подлинную любовь к французскому народу. Но одновременно с этим писатель порицает Бонапарта за властные манеры, непомерные амбиции и эгоистическое самоослепление, которые в результате привели его к поражению в русских снегах и дальнейшему падению.

В исследовании В. Скотта есть и еще один интересный момент – эволюция взгляда автора на героя. Так, если в первых двух томах Наполеон для Скотта «фигура несомненно великая, хотя человек далеко не хороший и уж подавно не лучший монарх», то в дальнейшем его тон смягчается, и он уже не считает, что «небо послало революцию и Бонапарта за грехи Франции и Европы». Однако, в общем и целом, данный труд написан с консервативных позиций – осуждаются вожди французской революции, восхваляется реставрация Бурбонов, а Наполеон на фоне первых выглядит как «меньшее из зол».

Однако, как ни странно, подобный взгляд на фигуру Наполеона Бонапарта был холодно принят по обе стороны канала по диаметрально противоположным причинам. Так, в Британии Скотт подвергся активной критике со стороны тори, которые считали, что тот «перебрал в комплиментах» и с недопустимым подбострастием подошел к оценке личности Бонапарта. Вторил им и сэр Х. Лоу, бывший губернатор острова Святой Елены, которого Скотт полагал одним из убийц Наполеона, подразумевая, что тот создал нечеловеческие условия проживания для человека уже больного и ухудшал его моральное состояние мелочными придирками. Во Франции же, наоборот, полагали, что писатель очернил экс-императора, представив его человеком эгоистичным, кровожадным, жаждавшим лишь славы. К тому времени французской публике куда больше нравилась концепция Наполеона-мученика, которая легко распространилась благодаря сочинению генерала Гурго, входившего в свиту бывшего монарха на острове Святой Елены.

Последующие авторы Викторианской эпохи в целом заимствовали оценочный стиль Скотта, склоняясь, однако, к торийской критике Бонапарта. Доходило и до курьезов. Напри-

¹⁰⁰ Scott W. The Life of Napoleon Buonaparte, Emperor of the French. With a Preliminary View of the French Revolution: 9 Vol. Edinburgh, 1827.

¹⁰¹ The life of Napoleon Bonaparte [Electronic resource]. URL: <http://www.walterscott.lib.ed.ac.uk/works/prose/napoleon.html#top>.

мер, М. Берроуз выставлял Наполеона Атиллой и безбожником¹⁰². Правда, такой образ, вероятно, был связан с общей концепцией книги, которая гласила, что в Наполеоновских войнах Британия отстаивала также и интересы англиканской веры, борясь сначала против «безбожной» революционной Франции, а затем и католической Испании в союзе с уже возвратившейся в лоно Римской католической церкви наполеоновской Францией.

В целом для этой эпохи было характерно негативное отношение к личности Наполеона Бонапарта. Более того, английским историкам выгодно было изображать его «мировым злом» и антихристом, подгоняя его образ под роль «всемирного антагониста». Для них Наполеон олицетворял не только вековую соперницу своей страны Францию, но и всю Европу, которой Британия противопоставляла себя в период политики «блестящей изоляции».

Однако с англичанами не соглашались их «заокеанские коллеги», которые, пусть и с опозданием на два десятилетия, стали превозносить экс-императора и восхищаться им. Такая позиция отчасти объяснялась отголосками негативного отношения бывшей колонии к своей метрополии и внутриполитическими разногласиями в самих штатах. Но определяющим фактором было то, что на американцев, в отличие от тех же англичан, не оказывалось давление со стороны централизованной партийной власти, над ними не довлел груз государственной идеологии и решающее значение играло личное предпочтение. Для американцев Наполеон был *self-made men* т. е. человеком, «сотворившим самого себя из ничего», и политиком либеральных взглядов.

В США первопроходцами в изучении наполеоновской биографии стали братья Хэдли. Первый из них, Джоэл Тайлер, автор трудов «Наполеон и его маршалы»¹⁰³, «Выдающиеся маршалы Наполеона, а также жизнь и характер Наполеона Бонапарта»¹⁰⁴ и «Императорская гвардия Наполеона: от Маренго до Ватерлоо»¹⁰⁵. Он преданный поклонник гения Наполеона, хотя не всегда был таковым, поскольку первое представление о его личности и эпохе получил, изучая работы английских историков. Но, по его собственным словам, ознакомившись с «Консульством и Империей» Тьера, нейпировской «Полуостровной войной», трудами Жомини, бюллетенями Наполеона, мемуарами Бурьена, Лас-Каза, Коленкура, Сегюра, Раппа, работами Алисона и Саути, изменил свои взгляды.

Обращаясь к читателям, он утверждает, что практически все английские историки, затрагивавшие тему Наполеоновских войн, писали «эссе об ужасах войны с присутствием фигуры главного злодея», на страницах которых обвиняли Наполеона в том, что тот начал опустошительные войны и залил всю Европу кровью. Но, акцентирует внимание Хэдли, ведь не Бонапарт первым начал военные действия, а такие державы, как Австрия, Пруссия, Англия, Испания напали на только что образованную Французскую республику. Поэтому они, являясь виновниками войн, разоривших Европу, просто перекалывают свою вину на чужие плечи. Наполеон же – спаситель Франции, и все свои военные кампании производил только ради того, чтобы обезопасить Францию от нападений иностранных держав, которым противопоставлял их же политические и военные методы.

Кроме того, по мнению автора, английские историки уродуют сам образ Наполеона, превращая его на страницах своих книг в человека жестокого и эгоистичного, даже умалишенного, не способного контролировать вспышки собственного гнева и проявления темперамента. В подтверждение ими приводятся самые мелкие случаи из его жизни – окрик на неповоротливого слугу, бросок чернильницы в стену в приступе раздражения и т. п. Но почему же, вопро-

¹⁰² См.: Burrows M. The history of the foreign policy of Great Britain. Edinburgh, 1895.

¹⁰³ Headley J. T. Napoleon and His Marshals [Electronic resource]. URL: <http://www.napoleonic-literature.com/>

¹⁰⁴ Headley J. T. The Distinguished Marshals of Napoleon with the Life and Character of Napoleon Bonaparte. N. Y., 1850.

¹⁰⁵ Headley J. T. The Imperial Guard of Napoleon: from Marengo to Waterloo. [Electronic resource]. URL: http://openlibrary.org/works/OL1115600W/The_Imperial_guard_of_Napoleon.

шает Хэдли, они умалчивают обо всем остальном, что было создано его терпением, трудами и гением?

Наконец, одно из сочинений Дж. Хэдли («Наполеон и его маршалы») содержит следующее замечание: «В плане моральной репутации Наполеон был в достаточной степени равнодушен; но, будучи другом свободного человека, был готов содействовать улучшению положения человечества, открыв простор для таланта и гения, пусть и низких по происхождению, в этом он бесконечно превосходит тех государей, которые пытались сокрушить его»¹⁰⁶. Все это позволяет нам сделать вывод о том, что этот автор излишне идеализировал императора французов.

Однако с Дж. Хэдли в оценке личности Наполеона Бонапарта не склонен был полностью согласиться его брат Ф. К. Хэдли, священник и автор произведения «Жизнь Наполеона Бонапарта»¹⁰⁷. С одной стороны, он не отрицал, того, что «Наполеон был велик, интеллектуально возвышаясь над князьями и монархами многих поколений... Ему не было равных в тактике войны... Его воображение руководствовалось разумом... интуиция была ясна, как утренний свет, а скорость присутствовала во всех его действиях». Но при этом Ф. К. Хэдли называл Бонапарта «моральным карликом», который даже в своих «великодушных поступках всегда прославлял себя, стремясь к неоспоримому первенству среди престолов Европы, но не имея высшего достоинства сердечности и чистой филантропии, которые могли бы безопасным образом сохранить ту власть, что оказалась у него в руках».

Тем не менее работы братьев Хэдли были только началом. Эстафету подхватил Дж. С. К. Эббот, автор «Истории Наполеона Бонапарта»¹⁰⁸ и «Наполеон на Святой Елене, или Интересные анекдоты и замечательные беседы императора в течение пяти с половиной лет его плена»¹⁰⁹.

Эббот восхищается личностью Бонапарта. «Гений Наполеона поражает, – говорит он, – кажется, что со всеми отраслями человеческого знания знаком его ум». Именно поэтому, по его собственному объяснению, он пишет свою книгу «Наполеон на Святой Елене», чтобы познакомить читателя с глубокими мыслями великого человека, в течение долгих лет своего заключения со всей свободой беседовавшего о событиях своей чудесной карьеры, а также о религии, политике, морали – словом, о всех тех вещах, что и по сей день вызывают глубокий интерес людей. В конечном счете, у Эббота та же цель, что и у Хэдли: он хочет оправдать Бонапарта, ибо «его история часто писалась его врагами». Эббот – восторженный биограф Бонапарта, который не скупится на похвалы для этого исторического деятеля.

Иначе оценивает личность Бонапарта в сочинении «Наполеон I: политический и военный обзор»¹¹⁰ историк Дж. К. Роуп. В своей работе он говорит о том, что не стоит умалчивать о безрассудности политики императора в 1813 и 1814 гг., о его безусловной приверженности к поиску решений политических трудностей, возникавших на горизонте империи, на полях сражений, о его равнодушии как военного к тому злу, что неизменно причиняет война, о его забывчивости как солдата к долгу правителя. По мнению Роупа, не стоит отрицать и предавать забвению все эти недостатки его правления, но вместе с тем необходимо быть столь же справедливым в признании его выдающихся качеств – необычайной работоспособности, преданности государственной службе, просвещенности взглядов в сфере управления и судопроизводства, человечности. Роупа нельзя назвать поклонником Бонапарта; скорее, этот историк примеряет на себя роль адвоката.

¹⁰⁶ Цит. по: Vance T. J. The Lost Voices of Napoleonic Historians [Electronic resource]. URL: http://www.napoleonseries.org/research/biographies/c_historians.html.

¹⁰⁷ Headley P. C. The Life of Napoleon Bonaparte. N. Y., 1903.

¹⁰⁸ Abbot J. S. C. The History of Napoleon Bonaparte: 4 vols. N. Y., 1855–1856.

¹⁰⁹ Abbot J. S. C. Napoleon at St. Helena, or Interesting Anecdotes and Remarkable Conversations of the Emperor during the Five and a Half Years of His Captivity [Electronic resource]. URL: <http://www.questia.com/rea/d/77770055>.

¹¹⁰ См.: Ropes J. C. The First Napoleon: A Sketch, Political & Military. Boston, 1885.

Еще один достойный упоминания биограф Наполеона уже конца XIX в. У. М. Слоон писал, что «не существует более полного примера человеческой активности», чем пример Бонапарта, человека, в котором естественным образом сосуществовали беспринципность и талант¹¹¹. Последний позволял ему в любой ситуации находить «уникальные, оригинальные непревзойденные рецепты» выхода из той или иной ситуации, что было величайшим достижением и основным преимуществом Наполеона перед его противниками. И даже суть его краха Слоон заключил в одно слово – истощение, при котором сам Наполеон «шел по проторенной дороге» и уже не видел необходимости в поиске политических и военных «новинок». В то же время его оппоненты выучили уроки, «которые он преподавал им в течение 20 лет» так, что «учитель стал блекнуть на фоне учеников в успехе и великолепии». Все это в результате и привело Бонапарта к краху, от которого его не смогли спасти даже блестящие дарования, острый ум и дипломатический дар.

Наконец, последний автор в ряду представителей американской традиции XIX в. – И. Тарбелл. Она не являлась профессиональным историком или авторитетным специалистом, но следила за современной литературой на эту тему. В 1894 г. Тарбелл выпустила «Краткую жизнь Наполеона Бонапарта»¹¹², в которой фактически проследила всю эволюцию образа Наполеона Бонапарта в работах американских исследователей с самого начала зарождения раздела национальной историографии на эту тему.

С одной стороны, она оценивает Наполеона как величайшего гения своего времени и человека, чья высокая мудрость в государственных делах, рожденная из долгих размышлений и самоанализа, позволила ему познать границу своих прав и обязанностей и не злоупотреблять ими, с таким же уважением относиться к соблюдению прав других людей. Но, по ее мнению, существовала и другая сторона Наполеона как правителя, ибо сильными чертами его натуры были амбициозность и деспотизм, в жертву которым он принес идеи личной свободы, равенства и братства. Вся военная и гражданская система, которую он выстроил, базировалась на принципе сосредоточения власти в его руках. И ради обладания властью Наполеон отстранил народ от управления страной и «пролил в Европе реки крови». Но, опять же, нельзя не признать в нем военного гения, который великолепно задумал и осуществил итальянскую операцию и тем самым спас армию и страну от полного краха, и который потом столь же показательно отличился под Аустерлицем, Йеной и Ваграмом. Наконец, он единственный полководец в истории Нового времени, который смог превратить свою армию в мощный, совершенный и действенный механизм, послушный воле своего хозяина.

Подведем итоги процесса эволюции образа Наполеона Бонапарта в британской и американской историографической традиции XIX в. Прежде всего стоит отметить параллельное развитие традиций, их непересекающееся замкнутое сосуществование, отсюда и максималистский поход к воссозданию образа конкретной исторической личности. Так, для англичан Бонапарт весь этот период оставался «злым гением» эпохи, антагонистом, символом хаоса, революции и войны. Американцы же в меньшей степени «стенали над кровью, пролитой деспотом в Европе», предпочитая уподоблять «деспота» античному герою и богу Олимпа, снисходительно относясь к его слабостям и недостаткам, признавая в нем прежде всего величайшего полководца и административного деятеля.

Пожалуй, только в одном сошлись англоязычные авторы – в том, что появление Наполеона Бонапарта на международной арене было не иначе как знаком свыше. Он был необходим на своем месте в свое время. И выполнил свое предназначение до конца.

Впрочем, с нашей точки зрения, лучше всего о Наполеоне Бонапарте как полководце, политике, государе и личности высказался историк середины XX в. Дж. Г. Эндрюс. Потому

¹¹¹ Слоон В. М. Новое жизнеописание Наполеона I: в 2 т. М., 1997.

¹¹² См.: Tarbell I. M. A Short Life of Napoleon. N. Y., 1895.

именно его словами об императоре мы подытожим данную статью: «Его биография продолжительна, и в ней есть много помарок, фальсификаций и неясных отрывков. Но пока великие военные подвиги волнуют воображение людей и имена героев выгравированы в зале славы, пока великие достижения администрирования и управления государством облегчают бремя человечества, пока гений грандиозно рискует – и терпит неудачу, чтобы поднять сознание человека до неописуемых высот – Наполеон будет достоин своей страницы в анналах истории».

©©Путилова Е. В., 2013

«Наполеон (Аполион) – Антихрист» в уральской старообрядческой письменности XIX в

Т. С. Романюк

Рассматривается своеобразие восприятия образа Наполеона-Антихриста в уральской старообрядческой письменности XIX в. На примере старообрядческих сочинений исследуется, как война с Наполеоном проецировалась на привычные в старообрядческих кругах эсхатологические сюжеты о конце света и пришествии Мессии. При этом в качестве «избавителя» от Антихриста выступали либо «истинный царь» Александр, либо «южный царь», воцарившийся в Царьграде, – Константин, возглавляющий «полчища» верных сынов Отечества для битвы с Антихристом.

Ключевые слова: Наполеон Бонапарт; Антихрист; старообрядчество; эсхатологические сюжеты.

Конфликт между властью и старообрядцами, берущий начало во второй половине XVII в., отразился на многих сторонах жизни староверов. Изменения со временем затронули не только религиозно-обрядовую сторону, но и повседневную жизнь. Системообразующим элементом старообрядческой культуры являлась книга.

Церковная реформа XVII в. послужила причиной для сомнений в истинности правящего царя и церковной иерархии (начиная с патриарха Никона). Такие представления нашли свое отражение в старообрядческих сочинениях. Эти произведения представляли собой как бы «наложение» построений о приходе Антихриста к власти на традиционные эсхатологические сюжеты из Откровения Иоанна Богослова (Апокалипсиса) – последней книги Нового Завета, а также ветхозаветных текстов. Примером могут послужить сочинения, касающиеся эпохи правления Петра I, многие нововведения которого, в частности, не соответствовали представлениям старообрядцев об «истинном царе». Примером может быть Указ о престолонаследии 1722 г., который привел в г. Таре к отказу присягать неназванному царю (жители предполагали, что этим неназванным царем будет Антихрист), а после вылились в Тарский бунт¹¹³. Некоторые из эсхатологических сочинений снабжены миниатюрами, на которых среди войска, гонимого небесным воинством во главе с Христом, изображен не только сам Петр I, но и Екатерина I, и А. Д. Меншиков¹¹⁴. В Петре I видели Антихриста¹¹⁵, существовали легенды о подмене его еще в младенчестве или во время Великого посольства¹¹⁶. Не стоит забывать и о том, что титул императора не принимали многие староверы, даже те, кто молился за царя. На этом фоне были популярны легенды об Иване-«избавителе» и Алексее-«избавителе»¹¹⁷. К. В. Чистов предполагает, что до 1807 г. и в Наполеоне видели «избавителя»¹¹⁸. Но начало Отечественной войны сильно изменило его образ в представлении русского народа.

Начавшаяся война с Францией создала нового Антихриста. Традиционное восприятие какого-либо нашествия на земли русские как кары Божьей за грехи нашло отражение в сочи-

¹¹³ Подробнее см.: *Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. 391 с.

¹¹⁴ *Байдин В. И.* Антихрист у власти // Урал. следопыт. 1994. Вып. 3. С. 40; *Байдин В. И.* Антихрист у власти: социально-политические сюжеты старообрядческой лицевой книги XVIII – XIX вв. // Цензура в России: материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1995. С. 41.

¹¹⁵ Подробнее см.: *Байдин В. И.* Антихрист у власти // Урал. следопыт. С. 39–42; *Казанцева М. Г., Мосин А. Г.* Экспедиции уральских археографов на Вятку в 1984–1988 годах // К истории книжной культуры Южной Вятки. Л., 1991. С. 13.

¹¹⁶ *Чистов К. В.* Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2003. С. 123–135.

¹¹⁷ Там же. С. 140–141.

¹¹⁸ Там же. С. 234.

нениях старообрядцев, посвященных нашествию Наполеона (Аполиона) – Антихриста¹¹⁹. Вера в то, что французский император ознаменовал своим нашествием приближение последних времен, была сильна в среде разных толков староверов и «нововеров» (сектантов). Особенно устойчива, даже после войны, эта вера была в среде скопцов, которые считали, что после пришествия и свержения Наполеон-Антихрист живет в Турции, «откуда при общем суде до миру явится оскопленным», после чего все живые «будут блаженствовать на “сей земле”, а те, которые до того умерли, станут блаженствовать... в седьмом небе»¹²⁰. Ожидания прихода Антихриста неизменно сопровождались ожиданиями Страшного суда и последующего вечного блаженства для праведных. Толчком для формирования нового образа Антихриста послужили слухи о том, что Наполеон покорит всю Россию, а после станет обращать всех в свою веру¹²¹. Конечно, реакции на подобные слухи среди старообрядцев могло быть две: либо уйти от мира и заниматься «спасением» в последние времена, либо защищаться от Антихристового войска. В эсхатологических сочинениях староверов Наполеон (Аполион)¹²² фигурировал, в частности, как «царь Аввадон, а поелински – Аполион, по-гречески – Бонапарт, а по-словенски и российски – Антихрист»¹²³. Наступление последних дней в эсхатологии часто сопровождается описанием природных катаклизмов, что и было отражено в сочинении: «когда он воцарится, тогда небо будет медяно и земля железна: небо не даст дождя, а земля не даст плода: тогда бо исполнится пророчество Исаино»¹²⁴ (имеется в виду библейский пророк Исайя). Данные строки неплохо «ложатся» на историческую канву. Примером могут послужить события в Уральском войске, где в 1807 г. в результате пожара в Уральске из 3 584 домов сгорело 2 120, 2 храма и погибло 8 человек. А уже через три года в Оренбургской губернии случился неурожай и конский падеж¹²⁵. Экономическое разорение не могло не отразиться на боевой готовности казаков. Известны случаи, когда они продавали свое имущество, чтобы снарядить не только себя, но и «малолетков» в поход¹²⁶. Проблему неурожая попытались тогда решить старообрядцы Расыпной крепости. Они вышли в поле «с иконами, крестом, Евангелием и с прочим без священника... молебствовать о дожде» (впоследствии, из-за отсутствия при молебне иерея, им предложили перейти в единоверие и принять священника, рукоположенного православным архиереем)¹²⁷. Все это могло трактоваться как наступление последних времен. Учитывая, что Уральское войско, как и Донское, большей частью состояло из староверов, образ казаков (верных защитников) не мог не найти отражения в сочинениях, посвященных Наполеону-Антихристу. Сами сочинения в основном представляют собой своеобразные наложения пассажей о нашествии Наполеона на привычные эсхатологические сюжеты, пророчества о конце света и пришествии Мессии. После обращения к ветхозаветным пророчествам Исаи¹²⁸ говорится о борьбе «северного царя» с «южным» (пророчества другого библейского пророка, Даниила)¹²⁹.

¹¹⁹ Лаборатория археологических исследований (далее – ЛАИ) УрФУ. XII. 45р/1370. Л. 17 об.

¹²⁰ Варадинов Н. В. История Министерства внутренних дел. Кн. 8, доп. СПб., 1863. С. 515.

¹²¹ Витевский В. Н. Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военногражданской власти в конце XVIII и в XIX в. Казань, 1878. С. 51.

¹²² ЛАИ УрФУ. XII. 45р/1370. Л. 17.

¹²³ Там же. Л. 17.

¹²⁴ Там же. Л. 19.

¹²⁵ Витевский В. Н. Указ. соч. С. 51.

¹²⁶ Кузнецов В. А. Иррегулярные войска Оренбургского края в XVIII – XIX вв.: дис. ... докт. ист. наук. Челябинск, 2011. С. 334–335.

¹²⁷ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10а. Д. 349. Л. 1–3.

¹²⁸ Тюменское (XII) собр. Сборник. 45 р/1370. Л. 10 об.

¹²⁹ В данной работе рассмотрены Сборники из Тюменского и Курганского собраний древлехранилища ЛАИ УрФУ. См. также: Байдин В. И. Новые источники по истории крестьянских волнений на Урале в 40-е гг. XIX в. // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала. Свердловск, 1979 (здесь упоминается о Сборнике, входящем в Красноуфимское собрание).

На стороне последнего, согласно ветхозаветной традиции, и будут сражаться православные против Антихриста. Будущим «южным царем» старообрядцы считали Константина, который, воцарившись в Царьграде (Константинополе), «соберет полчища казаков, полчища великия стрельцов – верных сынов отечества»¹³⁰ для битвы с Антихристом. Вероятно, современного им «Константина» старообрядцы видели в среднем брате Александра I Константине Павловиче¹³¹, который до этого, по свидетельству дворового человека калужского помещика Ф. И. Зембулатова Федорова, «ездил в Царьград и в Иерусалим». Вера в Константина-избавителя в народной традиции приобрела форму не только легенды о царе, на которого возлагали надежду на победу над Антихристом. Позже, в 1825–1826 гг., ждали, что с приходом Константина на трон будет отменено крепостное право¹³². Легенда о Константине-избавителе, как и предшествующие ей легенды о других царях-«избавителях», основывалась на вере в праведного царя, в чье правление жить станет легче. Примерно в то же время в среде урало-сибирского старообрядческого согласия старикищины появилась вера в царя-избавителя Александра I. Как отмечает В. И. Байдин, опираясь на записи, сделанные будущим обер-прокурором Синода Н. Д. Нечаевым, «в мире уже были предтечи Антихриста, но молились (представители старикищины. – Т. Р.) за Александра I, “за то спокойствие, коим... пользуются”», т. е. молились потому, что их при Александре I не преследовали¹³³. Стоит отметить, что и образ Александра I мог претерпевать существенные изменения: в 1823 г. наставник федосеевского Преображенского кладбища С. С. Гнусин проиллюстрировал свое сочинение «Апокалипсис седмитолюкий» изображениями Александра I в качестве Антихриста¹³⁴.

Старообрядцы верили, что истинный царь сможет собрать войско для борьбы с Антихристом. Но как возглавлять войско должен достойный человек, так и само войско должно состоять из угодных Богу воинов. Такими войнами на протяжении всей русской истории, в понимании старообрядцев, были только казаки и стрельцы, которые либо пострадали за веру, как стрельцы во время бунтов конца XVII в., либо до сих пор сохраняют веру и терпят от этого притеснения, как казаки. Казаки, будучи профессиональными военными, а также в большинстве своем староверами, как никто другой подходили на роль борцов против войска Антихриста. Поэтому в сочинениях старообрядцев вся надежда возлагается на то, что «казаки урядом братаются со кр[ес]тами, кроме бреемых»¹³⁵ выступают против Наполеона под предводительством истинного царя, и только они смогут побороться с Антихристом. Как известно, казаки Уральского и Оренбургского войск были постоянными участниками военных походов русской армии эпохи Наполеона: итальянского и швейцарского походов А. В. Суворова (1799–1800), войны с Турцией (1806–1812), русско-прусско-французского противостояния (1806–1807)¹³⁶. Не обошла их стороной и война 1812 г., оставившая глубокий отпечаток в жизни и быте вернувшихся на Урал казаков.

Несмотря на то, что ни власть Антихриста так и не была установлена во время войн с Наполеоном, ни пришло Царство Божие на землю, произведения о «Аполионе-Антихристе» продолжают переписываться на протяжении всего XIX в. Староверы не перестают верить в скорый приход Антихриста и последующее блаженство на небе для праведников. Несмотря на отличия в отношении к власти и «миру» между старообрядческими толками, а также различ-

¹³⁰ Тюменское (XII) собр. Сборник. 45 р/1370. Л. 7.

¹³¹ Байдин В. И. Новые источники... С. 93.

¹³² Чистов К. В. Указ. соч. С. 235.

¹³³ Байдин В. И. Старообрядчество Урала и самодержавие, конец XVIII – середина XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1983. С. 169.

¹³⁴ Байдин В. И. Антихрист у власти: социально-политические сюжеты... С. 40.

¹³⁵ См.: Древлехранилище ЛАИ УрФУ. Курганское (V) собр. Сборник 98р./1405. Л. 17 об.; Байдин В. И. Новые источники... С. 93.

¹³⁶ История казачества Азиатской России. Т. 1: XVI – первая половина XIX века. Екатеринбург, 1995. С. 73.

ное понимание и трактовку времени и формы прихода Антихриста, эсхатологические сюжеты не теряют своей значимости не только в XVIII–XIX вв., но и в XX в. Самыми радикальными течениями любая власть – императорская или советская – расценивалась как власть Антихриста, а природно-климатические катастрофы лишь «подливают масла» в огонь. Вера в наступление последних времен, а также попытки либо предугадать, либо вычислить их наступление, всегда были и будут одной из важнейших элементов религиозной культуры староверов.

©©Романюк Т. С., 2013

Раздел 2 «Гроза двенадцатого года»: исторические коллизии и русская литература XIX в

«И жизнь, и к родине любовь...»: год 1812-й в личной и творческой судьбе К. Н. Батюшкова

С. И. Ермоленко

Статья посвящена 1812-му году – переломному в личной и творческой судьбе К. Н. Батюшкова. Рассматриваются произведения, созданные под впечатлением событий 1812 г. и Заграничного похода русской армии 1813–1814 гг., участником которого был поэт. Отмечаются изменения в лирике Батюшкова, связанные с пересмотром прежних эстетических принципов. Обосновывается новаторство поэта в разработке военной темы, обнаруживающееся в трансформации традиционных жанров (элегии, послания), что обогащало русскую поэзию и открывало новые пути ее развития.

Ключевые слова: К. Н. Батюшков; война 1812 г.; личная и творческая судьба; лирика; элегия; послание; традиции и новаторство.

«В половине 1812 г., – писал обозреватель журнала «Сын отечества» (1815) Н. И. Греч, – грянул гром, и литература наша сначала остановилась совершенно, а потом обратилась к одной цели – споспешествованию Отечественной войне. В продолжение второй половины 1812 г. и первой 1813 г. не только не вышло в свет, но и не написано ни одной страницы, которая не имела бы предметом тогдашних происшествий»¹³⁷.

В ряду первых «страниц», посвященных войне 1812 г., были и принадлежащие К. Н. Батюшкову, не только современнику, но и участнику тех исторических событий.

В июне 1817 г. в письме к В. А. Жуковскому К. Н. Батюшков с грустью вопрошал: «Какую жизнь я вел для стихов! Три войны, все на коне и в мире на большой дороге. Спрашиваю себя: в такой бурной, непостоянной жизни можно ли написать что-нибудь совершенное?»¹³⁸. Батюшков действительно был участником «трех войн»: войны с Наполеоном 1807 г. (в битве под Гейльсбергом, в Пруссии, его, полумертвого, извлекли из груды раненых и убитых товарищей; рана была настолько тяжела, что поэт даже «боялся умереть не в родине своей»); шведской кампании 1808–1809 гг.; в составе русской армии, разгромившей Наполеона, Батюшков участвует в Заграничном походе и в 1814 г., «покрытый пылью и кровью» (как он скажет в письме к своему другу поэту Н. И. Гнедичу от 17 мая 1814 г.), вступает в побежденный Париж.

1812-й год становится переломным в личной и творческой судьбе Батюшкова. Под влиянием исторических событий эпохи новые идеи и образы входят в его поэзию и изменяют ее характер. Из-за болезни Батюшков не может сразу принять участие в военных действиях (он уже находится в отставке после шведской кампании). Батюшков пишет Н. И. Гнедичу в октябре 1812 г. из Нижнего Новгорода, где собралась «вся Москва»: «От Твери до Москвы и от Москвы до Нижнего я видел, видел целые семейства всех состояний, всех возрастов в самом жалком положении; я видел то, чего ни в Пруссии, ни в Швеции видеть не мог: переселение целых губерний! Видел нищету, отчаяние, пожары, голод, все ужасы войны и с трепетом взирал на

¹³⁷ Цит. по: Сидоров Н. П. Отечественная война в русской лирике // Отечественная война и русское общество: юбилейн. изд., 1812–1912. М., 1911. Т. 5. URL: http://www.museum.ru/1812/library/sitin/book5_10.html.

¹³⁸ Батюшков К. Н. Избранная проза. М., 1988. С. 408.

землю, на небо и на себя»¹³⁹. «Строки этого письма, – замечает В. А. Кошелев, – и по тональности, и по лексике совпадают с посланием “К Дашкову”»¹⁴⁰.

Послание «К Дашкову» будет написано чуть позже, через несколько месяцев, под впечатлением трех (1812–1813) посещений разоренной и сожженной Москвы. Однако письмо можно рассматривать как своеобразный прозаический набросок будущего стихотворения: точные и емкие поэтические формулы еще не вызрели, но уже определился его пафос, эмоциональная доминанта, обусловленные личным потрясением поэта – очевидца событий, что подчеркнуто многократно повторенным глаголом *видел*:

Мой друг! я *видел* море зла
И неба мстительного кары:
Врагов неистовых дела,
Войну и гибельны пожары.
Я *видел* сонмы богачей,
Бегущих в рубищах изданных!
Я *видел* бледных матерей,
Из милой родины изгнанных!
Я на распутье *видел* их,
Как, к персям чад прижав грудных,
Они в отчаяньи рыдали
И с новым трепетом взирали
На небо рдяное кругом¹⁴¹.

Это настойчиво звучащее *я видел*, четырежды (как и в цитиrowанном выше отрывке из письма) повторенное, подчеркивает авторскую установку на достоверность изображаемого. Об этой достоверности свидетельствуют воспоминания современников:

...все было в пламени. Вся полоса воздуха над городом превратилась в огненную массу, которая изрыгала горящие головешки; а вследствие расширения воздуха от теплоты буря еще более усиливалась; никогда небо в своем гневе не являло людям зрелища ужаснее этого!

...был самый жесточайший пожар; весь город был объят пламенем, горели храмы Божии, превращались в пепел великолепные здания и дома; отцы и матери кидались в пламя, чтобы спасти погибающих детей, и делались жертвою их нежности. Жалостные вопли их заглушались только шумом ужаснейшего ветра и обрушением стен. Все было жертвою огня¹⁴².

На эффект достоверности работает не только реальность события, которое становится источником переживания в стихотворении, но и некоторые детали его текста. Это, во-первых, реальность адресата: Дмитрий Васильевич Дашков (1784 –1839) – литератор-карамзинист, один из основоположников «Арзамаса», впоследствии министр юстиции, приятель Батюшкова. Во-вторых, упоминающийся «израненный герой» – генерал А. Н. Бахметьев (1774–1841), отличившийся в Бородинском сражении, где он был тяжело ранен. Батюшков был зачислен адъютантом к Бахметьеву, но из-за болезни последнего он, как известно, во время Загранич-

¹³⁹ Там же. С. 335.

¹⁴⁰ Кошелев В. А. Константин Батюшков. Странствия и страсти. М., 1987. С. 153.

¹⁴¹ Батюшков К. Н. Полное собрание стихотворений. М.: Л., 1964 (далее цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте).

¹⁴² Цит. по: Катаев И. М. Пожар Москвы // Отечественная война и русское общество Т. 4. URL: http://www.museum.ru/1812/library/sitin/book4_10.html.

ного похода русской армии стал адъютантом генерала Н. Н. Раевского, прославленного героя Отечественной войны 1812 г., при котором «с лишком одиннадцать месяцев» поэт был «неотлучен, спал и ел при нем»¹⁴³.

Вместе с тем отмеченный повтор (*я видел*) сообщает необыкновенную экспрессию, динамику лирическому переживанию, вызываемому стихотворением. Силу эмоционального воздействия этого повтора ясно ощутил чуткий профессиональный читатель А. С. Пушкин, оставивший на полях личного экземпляра «Опытов в стихах и прозе» Батюшкова, где было опубликовано «К Дашкову», против строк: «*Я видел* бледных матерей... *Я* на распутье *видел* их...» – помету: «прекрасное повторение»¹⁴⁴.

Столь сильный эмоциональный посыл, заданный с самого начала взволнованным обращением *Мой друг!* (далее еще дважды повторенным) и отмеченным выше многократным повтором (*я видел*), поддержан и усилен анафорическим началом последующих строк:

Трикраты с ужасом потом
Бродил в Москве опустошенной,

.....

Трикраты прах ее священный
Слезами скорби омочил, —

которое становится устойчивым, определяя напряженно-экспрессивный интонационный рисунок стихотворения («подвижность» благодаря пиррихиям – чередованию мужских и женских клаузул четырехстопного ямба – играет здесь не последнюю роль):

И там, где зданья величавы...
И там, где с миром почивали...
И там, где роскоши рукою...

(с. 153)

Лишь угли, прах и камней горы,
Лишь груды тел кругом реки,
Лишь нищих бледные полки...

(с. 154)

Это нарастание лирического волнения, чему способствует прием стилистической градации, призвано передать состояние лирического героя стихотворения: с современниками говорит очевидец «ужасных происшествий»: это перед его глазами проходят «сонмы богачей» в «рубищах изданных», целые толпы людей, «из милой родины изгнанных»; это он видел рыдающих матерей, в «отчаянье» прижимающих к «персям» «чад грудных»; это он «слезами скорби омочил» оскверненные святыни «златоглавой» Москвы¹⁴⁵. Это трагедия не просто Москвы, но всей России.

¹⁴³ См.: Батюшков К. Н. Чужое – мое сокровище [Из записной книжки 1817 г.] // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1978. С. 412–416.

¹⁴⁴ Пушкин А. С. Заметки на полях 2-й части «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 7. М.; Л., 1951. С. 580.

¹⁴⁵ Прочитав строки: «И там, где с миром почивали / Останки иноков святых / И мимо веки протекали, / Святыни не касаясь их...», Пушкин, не скрывая своего восторга, напишет на полях «Опытов...»: «прелесть» (Пушкин А. С. Заметки на полях... С. 580).

Масштабность этой трагедии подчеркнута предельной обобщенностью, максимализацией образов, призванных передать не столько конкретные реалии войны, сколько характер и силу переживания, носителем которого является лирический субъект, не отделяющий себя от народа (именно это дает ему право на высокую скорбную патетику): «*море зла*», «*неба мстительного кары*», «*гибельны пожары*» (не «пожар», а именно «пожары» – так усиливается ощущение беды, катастрофы), «*сонмы богачей*», «*угли, прах и камней горы*», «*груды тел кругом реки*», «*нищих бледные полки*». Дважды появляющийся в стихотворении образ неба – не просто живописная деталь в картине московского пожара («*небо рдяное кругом*»), но и символ возмездия, кары (*неба мстительного кары*). Кому и за что грозит «небо» своими «карами»?

Приведем в этой связи комментарий дореволюционного исследователя к стихотворению священника М. Аврамова «Москва, оплакивающая бедствия свои», написанному в 1812 г.:

Обрисовав с большой силой, с прочувствованными подробностями бедствия Москвы, автор представляет ее «в образе вдовицы», которая в своей покаянной речи резко обличает социальную неправду, истинную причину отяготевшей над нею казни Божией: она задремала «на лоне ложных благ», «корысть» стала ее «душой»; повсюду «лесть медоточная и хитрое притворство, вина общественных неисцелимых ран»; повсюду «наглость, варварство, ложь, клеветы, обман»:

Обман между родных – обман между друзьями,
Между супругами, между сынов с отцами,
Обман на торжищах, в судах и вокруг царей,
Обман в святилищах, – обман у алтарей...

<...> Любовь была забыта, и вместе с ней «пало основанье, которое одно дел добрых держит зданье». Взамен воцарилось «самолюбие жестокое, слепое»... Вот почему Бог прогневался на Россию и «мечом врага стал действовать над вашими сердцами».

Стихотворение оканчивается призывом к исправлению и надеждой на Бога:

Бог прах одушевит – от Бога все возможно¹⁴⁶.

По мнению Н. В. Фридмана, стихотворение Батюшкова «лишено всяких следов религиозно-монархической тенденциозности, которая была характерна для отношения консервативных кругов к событиям 1812 г. и отчасти отразилась даже в знаменитом патриотическом хоре Жуковского “Певец во стане русских воинов” с его прославлением “царского трона” и “русского бога”». В послании «К Дашкову», считает исследователь, Батюшков выступает «как рядовой русский человек, испытывающий чувство гнева против иноземных захватчиков»¹⁴⁷. В стихотворении Батюшкова действительно нет прямых отсылок к Богу, нет прямых указаний на истинную причину беды, постигшей Москву и Россию. Однако напоминание о «мстительных карах» может прочитываться как наказание свыше. Не только врагам за их «неистовые дела», но и людям вообще за их грехи в соответствии с библейским «Мне отмщение, и Аз воздам». Небесные «мстительные кары» – это гнев Божий, выраженный в подтексте стихотворения призыв поэта обратить внутренний взор на самих себя, покаяться и очиститься, чтобы сплотиться

¹⁴⁶ См.: Сидоров Н. П. Отечественная война в русской лирике [Электронный ресурс]. URL: http://www.museum.ru/museum/1812/Library/sitin/book5_10.html (дата обращения: 15.01.2013).

¹⁴⁷ Фридман Н. В. К. Н. Батюшков [вступ. ст.] // Батюшков К. Н. Полное собрание стихотворений. С. 33.

перед лицом народного бедствия. Так возникает вневременной общечеловеческий план, в контекст которого вводится изображаемое событие (чем также подчеркивается его масштабность) – пожар и разорение Москвы. А значит, усложняется идейное содержание стихотворения.

И тогда лирический герой Батюшкова – уже не рядовой русский человек, разделяющий со всеми чувство гнева «против иноземных захватчиков», – он поэт, присваивающий себе высокое право говорить от имени своих соотечественников, выражая общие для всех чувства. Именно романтическое понимание высокой миссии поэта заставляет лирического субъекта в годину суровых для России испытаний пересмотреть свои прежние эстетические принципы. Он осознает, что сейчас не время «петь любовь и радость, / Беспечность, счастье и покой», не время «сзывать пастушек в хоровод» «на голос мирных цевницы». С легкой руки В. Г. Белинского, за Батюшковым закрепилась слава «беспечного поэта-мечтателя, философа-эпикурейца, жреца любви, неги и наслаждения»¹⁴⁸. Таким его воспринимали и современники¹⁴⁹. И хотя этот стереотип нисколько не соответствовал реальному облику поэта, тем не менее, и сам Батюшков поддерживал его своими стихами¹⁵⁰.

Общепонятная трагедия заставит певца беспечной радости, каким был «довоенный» Батюшков, осознать себя поэтом-гражданином. Его лирический герой «при страшном зареве столицы» произносит священную клятву:

Нет, нет! пока на поле чести
За древний град моих отцов
Не понесу я в жертву мести
И жизнь, и к родине любовь;
Пока с израненным героем,
Кому известен к славе путь,
Три раза не поставлю грудь
Перед врагом сомкнутым строем, —
Мой друг, дотолле будут мне
Все чужды музы и хариты,
Венки, рукой любви свиты,
И радость шумная в вине!

(с. 154)

Снова повторенное (дважды) эмоционально-напряженное «Нет, нет!...» («*Нет, нет!* талант погибни мой...», «*Нет, нет!* пока на поле чести...»), акцентированное своим заметным положением в начале стихотворной строки и сверхсхемным ударением (спондеем), «отяжеляющим» ритм стиха, говорит о силе чувства, которое испытывает «сейчас» лирический герой – *alter ego* автора. И это не столько спор с «Дашковым» – адресатом послания («А ты, мой друг, товарищ мой, / Велишь мне петь любовь и радость, / Беспечность, счастье и покой /, И шумную за чашей младость!»), сколько спор с самим собой прежним. Это диалог скорее внутренний, передающий сложность и противоречивость состояния лирического героя, изживающего себя прежнего, осознающего истинное предназначение поэта. «Стоящее» за лирическим переживанием подлинное переживание самого Батюшкова сообщает стихотворению жизненную убедительность и достоверность.

¹⁴⁸ Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 7. М., 1955. С. 240.

¹⁴⁹ «Философ резвый и пиит, / Парнасский счастливый ленивец, / Харит изнеженный любимец, / Наперсник милых аонид!» – восклицал Пушкин в стихотворении «К Батюшкову» (1814), обращаясь к своему старшему товарищу по музам (Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 1. С. 69).

¹⁵⁰ «Когда жизнь наша скоротечна, / Когда радость здесь не вечна, / То лучше в жизни петь, плясать, / Искать веселья и забавы / И мудрость с шутками мешать, / Чем, бегая за дымом славы, / От скуки и забот зевать» (Совет друзьям [1806], С. 76).

Стихотворение имеет астрофическую композицию. Отсутствие «дробления» на поэтические «отрезки» призвано подчеркнуть искренность и непосредственность свободно выражающегося чувства лирического субъекта. Диалогизированный монолог лирического героя звучит с нарастающим напряженным динамизмом, словно произносится «на одном дыхании», в самый кульминационный момент переживаемого эмоционального подъема.

Созданию этого ощущения способствует и синтаксическая организация стихотворения, которая характеризуется обилием восклицательных предложений (9), отмеченных повышенной экспрессивностью. Причем их количество нарастает по мере нарастания волнения лирического героя. Если условно выделить части в стихотворении, то это будет выглядеть так: описание «опустошенной» пожаром Москвы – 2 восклицательных предложения; спор с другом Дашковым – 3; клятва – 4. И без того напряженную интонацию стихотворения затрудняют сложные синтаксические конструкции. Двумя особенно сложными конструкциями интонационно подчеркнуты наиболее значимые в смысловом отношении части поэтического текста: описание оскверненных «святыней» Москвы (16 стихотворных строк!), «клятва» (12 строк) – здесь голос лирического субъекта поднимается до самых высоких нот.

Формально в стихотворении выдержаны признаки дружеского послания: указан адресат в заглавии стихотворения, трижды звучит в тексте обращение к нему (*Мой друг!..; А ты, мой друг, товарищ мой...; Мой друг...*). Не вызывает сомнения и диалогическая природа стихотворения – главный жанровый признак послания (диалог-спор с адресатом, как уже было отмечено выше, осложнен внутренним диалогом лирического героя с самим собой). И вместе с тем в сборнике «Опыты в стихах и прозе» послание «К Дашкову» помещено не в разделе «Послания», как следовало бы ожидать, а в разделе «Элегии». Известно, что подготовкой к изданию «Опытов...», вышедших в 1817 г., по которым современный читатель впервые получил наиболее полное представление о поэте, занимался Н. И. Гнедич. Доверяя художественному вкусу своего друга, поэта и знатока Гомера (Гнедич – автор знаменитого перевода «Илиады», 1809–1829 гг.), Батюшков при этом настаивал на строгом отборе: в «Опыты...» должны были войти только самые лучшие его произведения («Дряни не печатай. Лучше мало, да хорошо» – постоянная его просьба к Гнедичу)¹⁵¹. Но именно Батюшков отказался от распространенного тогда хронологического принципа расположения стихотворений в книге, предпочтя жанровую рубрикацию: «Элегии», «Послания», «Смесь». Не без ведома автора «К Дашкову» оказалось в разделе «Элегии».

По справедливому утверждению И. М. Семенко, «лирика Батюшкова – лирика жанровая»¹⁵². Поэт мыслил жанрами и, разумеется, отличал послание от элегии. Однако для Батюшкова важнее диалогической природы жанра (а именно она вообще-то и делает послание посланием) оказывается выразившаяся в стихотворении «К Дашкову» личная патетика, обусловленная глубоко серьезным (без тени свойственной традиционному дружескому посланию шутливо-домашней, по определению Пушкина, «болтовни», без «домашней» семантики слова, понятной только узкому кругу посвященных – друзей-единомышленников) отношением к предмету «разговора».

Многочисленные стихотворные отклики того времени с их готовыми поэтическими формулами и риторическими штампами вторили правительственным манифестам:

К мечам! вперед! блажен трикраты,
Кто первый смертью упредит!
Развейтесь, знамена победы,
Героев-предков дар наследный!

¹⁵¹ Цит. по: Семенко И. М. Батюшков и его «Опыты» // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. С. 476–480.

¹⁵² Там же. С. 482.

За их могилы биться нам!

(М. В. Милонов. *К Патриотам*)

В них содержались ура-патриотические призывы, вроде тех, что звучали в «Солдатской песне» (1812) боевого офицера – поэта Ф. Н. Глинки, написанной при свете «полевых огней» и распевавшейся в войсках:

Вспомним, братцы, россос славу,
И пойдем врагов разить.
Защитим свою державу;
Лучше смерть – чем в рабстве жить!..
Мы вперед, вперед, ребята!
С Богом, верой и штыком!
Вера нам и верность свята:
Победим или умрем!

Выражалась бодрая вера в несомненную скорую гибель врага:

Хоть Москва в руках французов,
Это, право, не беда! —
Наш фельдмаршал, князь Кутузов,
Их на смерть пустил туда.

(Ив. Кованько. *Солдатская песня*)¹⁵³

На этом фоне «К Дашкову» Батюшкова выделяется своей совершенно особой тональностью: в стихотворении зазвучал живой голос, полный жгучей боли и скорби, голос человека, потрясенного «ужасными происшествиями нашего времени». В то время, когда петербургские театралы рукоплескали словам Пожарского – героя одноименной трагедии М. В. Крюковского:

Россия не в Москве, среди сынов она.
Которых верна грудь любовью к ней полна!¹⁵⁴—

Батюшков пишет стихотворение, в котором пожар и плен Москвы предстают как трагедия всей России. В восприятии Батюшкова, война – источник горя, величайшее бедствие, нарушившее привычный и естественный ход жизни. Эта «согретость» личным чувством и личным отношением и делает «К Дашкову» «лучшим лирическим стихотворением, написанным о событиях Отечественной войны 1812 года»¹⁵⁵.

В стихотворении «К Дашкову», в отличие от других посланий, в которых Батюшков «ближе следует жанровой традиции», как она сложилась к тому времени в русской лирике, поэт демонстрирует не просто свободное владение жанровым канонами, но и выход за его пределы. Здесь Батюшков соединяет совсем другие сферы жизни, не совмещавшиеся прежде в жанровой структуре послания, уравнивая в правах (может быть, впервые в русской поэзии) личное и гражданское, делая «общее» предметом интимного и страстного переживания.

¹⁵³ О созвучности военной лирики 1812 г. политическим лозунгам и манифестам того времени см.: Сидоров Н. П. Отечественная война в русской лирике, а также: Михайлова Н. И. Творчество Пушкина и ораторская проза 1812 г. // Пушкин: исследования и материалы. Т. 12. Л., 1986. С. 278–288.

¹⁵⁴ См.: Сидоров Н. П. Указ.соч.

¹⁵⁵ Фридман Н. В. К. Н. Батюшков. С. 35.

Причастность к великим историческим событиям, к самому историческому процессу приводила поэта к пониманию того, что человек не может замкнуться в мире своей мечты, какой бы прекрасной она ни была. Обнаруживались пока еще неясные для Батюшкова сложные связи человека с историей, что проявилось с особой силой во время Отечественной войны.

Новое понимание мира и человека в нем выразилось в стихотворениях участника Заграничного похода русской армии Батюшкова, которые принято называть историческими, или монументальными, элегиями: «На развалинах замка в Швеции» (июнь или июль 1814), «Переход через Рейн. 1814» (1816 – февраль 1817), близкий к ним «отрывок» «Переход русских войск через Неман 1 января 1813 года» (предположительно 1813). Уже не переживание личного, интимного, порядка, как было в традиционной элегии, а переживание самой истории становится предметом элегии Батюшкова.

История, на фоне которой изображается вступление русских войск на территорию Франции, разворачивается в ее главных событиях перед мысленным взором лирического героя стихотворения «Переход через Рейн». «Рейн величавый» – «свидетель древности, событий всех времен»: он помнит битвы древних германцев с римлянами и победы Цезаря; на его берегах совершались рыцарские турниры и раздавались звуки «сладкой лиры» трубадуров; познал «родитель вод» «и стыд и плен» новоявленного Аттилы – Наполеона и, наконец («час судьбы настал!»), увидел освободителей – «сынов снегов», пришедших сюда «под знаменем Москвы»:

Стеклись с морей, покрытых льдами,
От струй полуденных, от Каспия валов,
От волн Улеи и Байкала,
От Волги, Дона и Днепра,
От града нашего Петра,
С вершин Кавказа и Урала!..

(с. 211)

Торжественно, одически звучит 4- и 6-стопный ямб. В бодрой, четкой интонации стихотворения, подчеркнутой «звонкой» аллитерацией, усиливающей звуковую выразительность стиха, слышатся «шум полков и новых коней *p*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.